

Андрей Мансуров

Возвращение чувств. Машина

«Автор»

1998

Мансуров А. А.

Возвращение чувств. Машина / А. А. Мансуров — «Автор»,
1998

Эта книга написана в нетрадиционном для меня жанре любовного романа. Поэтому при ее написании мне помогала дочь, Мансурова Екатерина, за что я приношу ей самую искреннюю благодарность. Собственно, по-большому счету это книга о том, что даже если волей Провидения тебе и дается Второй Шанс, то, чтоб доказать, что ты его достоин, нужно очень и очень постараться. То есть - ПОРАБОТАТЬ. И головой и телом. Как в каждой книге фэнтэзи, здесь много Волшебных приключений, драк, погонь, чудесных спасений, коварных злодеев и преданных друзей. И даже - Шабаш Введьм, где героиню наделят... Тем, что поможет ей в преодолении невзгод, и битвах с врагами. А Героиню и правда - ждет упорная и жестокая борьба. И победа, несущая справедливое возмездие злодеям, будет действительно - заслуженной. И, разумеется, главной Героине придется со временем отказаться от мировоззрения прагматичной и суровой Воительницы, боевой Машины - если она хочет найти свое подлинное "Я", и обрести свою Любовь.

© Мансуров А. А., 1998

© Автор, 1998

Посвящается любимой бабушке и тёще -
Савченко Ирине Ивановне.
Без её мужества и силы воли
эта книга не была бы написана.

Все имена и события книги вымышлены. Любые совпадения являются случайными.

Возвращение чувств.

Роман.

Часть 1.

Машина.

« ...once upon a time ...»
(традиционное начало любой сказки)

Она умирала.

Она хорошо осознавала это.

Уже пришла та самая кристальная ясность ума. И отступила боль.

Боль, что так терзала последние месяцы её тело.

Да, она смогла даже усмехнуться внутренне, подумав опять о своём теле. Немного же теперь от него осталось – из крепкого, крупного, и даже, скорее, полноватого, чем стройного, оно меньше чем за год превратилось в костлявое, неуклюжее, почти ничего не весящее бес- сильное убожество.

И тем не менее, именно эти жалкие остатки вмещали сейчас её так и не смирившуюся до самого неизбежного конца, душу.

Мысли уже не скакали с одного на другое, словно преследуемые гончими, зайцы. Нет, они спокойно и плавно ходили как бы по замкнутому кругу, всё время в итоге возвращаясь к одному: «Ты все ещё здесь? Готова к ...?»

Да, она уже ждала. Ждала момента неизбежного перехода – от этой жизни к... к чему? Она не знала. Не понимала. Хотя, когда стало ясно, что чуда не случится, и излечение невозможно, с присущей ей методичностью прочла, изучила всё, что удалось разыскать о переходе, и о той – смешно немного, да? – той стороне...

Она не привыкла доверять полунаучной литературе, и тем более чьим-то непроверенным домыслам. Везде она старалась опираться только на свидетельства очевидцев. Хотя, в общем-то, будет ли что-то на той стороне, или нет – какое сейчас это имело значение? В данный конкретный момент её сознание наслаждалось отсутствием боли и тем странным чувством невероятной свободы, которое даёт ощущение неизбежного близкого конца существования. Она слышала, что и узники-смертники получают от своих тюремщиков некоторые льготы накануне казни...

Всё. Действительно – всё. Теперь не будет ни хлопот, ни обязанностей, ни проблем, ни унижений. Привязанностей, близости, любви тоже не будет. Ничего не будет.

А что же будет?

Она в своё время много думала об этом. Но что толку думать, если нет, да и не может быть достоверных фактов и свидетелей. Из-за той, роковой черты никто ещё не приходил, и не мог утешить: «Не бойтесь, люди! Есть жизнь после жизни! И всем воздастся по заслугам...»

Что ж, вся надежда на Господа – только он смог. И он всем обещал... Да, надежда...

Мысли медленно вращались по замкнутому кругу. Вот снова воспоминания о детстве. Есть ли здесь что-нибудь приятное, что-то, что могло бы удержать её сознание на этой брэнной земле ещё хоть на краткий миг – теплом и душевным уютом? Хм-м...

Безотцовщина. Хроническое безденежье. Всё это время казалось ей каким-то тусклым и серым – как свет их «экономных» маловаттных лампочек.

Вечно уставшая, вымученная и худая мать с не улыбочивым лицом землистого цвета, всё время озабоченная только двумя проблемами: не вылететь с работы, и прокормить и одеть троих всё время растущих детей.

Отец бросил их, когда ей ещё не было трёх, а близняшкам, которых он успел заделать матери – полгода. Или это мать пыталась так удержать его – с помощью детей?..

Отец... Возможно, его артистическая натура не смогла примириться с прозой многодетной семьи. Или просто – семьи. Так или иначе, она его не помнила.

Мать и сама редко рассказывала об отце. Разве, только то, что он талантливый музыкант.

Разъезжал с гастрольями по всей стране. Весельчак, душа любой компании... Во время этих рассказов её всё время преследовало странное чувство – словно мать и для них, детей, и для себя – повторяет отредактированную и утверждённую раз и навсегда Легенду. Чтобы доказать всем – он был не так уж плох! Но...

Материальных проблем и запаха мочи в крохотной комнатёнке он не выдержал.

Алиментов они не получали, так как он продолжал разъезжать по единому-нерушимо-му, уже с другими женщинами, ещё довольно долгое время. И-таки заехал куда-то. Следы затеряны навсегда... Слишком банальная, скучная и серая история.

Воспитание близняшек и уход за ними, а позднее и ответственность за их учёбу и поведение легли целиком на неё. Мать работала. А она оставалась за Главную.

Возможно, это было и к лучшему. Именно чувство ответственности, осознание того, что не на кого надеяться, или переложить свои обязанности, и сформировало её характер. Дало тот пресловутый «стержень», который её и поддерживал всё это время – да и не только в детстве, и зрелости, а и в... болезни.

Болезнь. Хм. Болезнь... Откуда она взялась на её голову, эта болезнь...

Просмотрев опять-таки массу литературы и перерыв интернет, она так и не выяснила этого. Всё, что писали специалисты, было слишком противоречиво, расплывчато и... ненаучно. Вывод был до крайности прост: отчего возникает и как лечить *эту* болезнь, до сих пор не известно.

Ведь заразиться ею невозможно. И наследственности такой в её роду нет.

Что ж, остаётся поверить старой присказке, что все болезни – от нервов.

Опять банальность. Да, в общем-то, достаточно банальна и вся её жизнь – да, серая, без сильных страстей, но и без ярких праздников. Невыразительная.

Только однажды она совершила небанальный – как ей тогда казалось! – поступок: вышла замуж против воли матери. Но недаром говорят: если мать воспитала дочь без отца, она все силы приложит, чтобы и дочь повторила её судьбу.

Впрочем, как раз тут её матери почти и не пришлось применять каких-то особенных усилий. Она и сама прекрасно справилась. Муж, коллега по работе, вроде тоже, спокойный и методичный во всём, уже через месяц совместной жизни стал так раздражать её именно этими качествами, что совместная жизнь закончилась меньше, чем за три года. Рекорд матери остался непокорённым – больше она не выдержала бы этого мелочно-педантичного зануду.

К концу третьего года выбор был таким: или убить его, или развестись...

Квартиру его, однако, по суду ей разменяли. Теперь у них с малышкой был свой угол. Всё не коммуналка. Своё. Крепость. Как могла, она вычистила и обустроила её.

Вскоре после этого повыходили замуж и близняшки. Вначале одна, а затем и другая уехали. Одна даже в дальнее зарубежье. К другой, весёлой беззаботной хохотушке, переехала

позже и мать. Всё-таки, поближе к столице. Переписывались ни шатко ни валко. Иногда ездили в гости. Словом, всё, как у людей...

Мысли вращаются дальше. Вот и единственное в мире дорогое существо.

Дочь. Может, мало уделяла внимания? Хотя так старалась не повторять ошибок своей матери... Или перестаралась? Или – это были не ошибки?..

Несмотря на неплохие алименты и вполне приличную зарплату, она сама всегда одевалась скромно и практично, и дочь старалась приучить к аккуратности, скромности.

Может, зря старалась? Может, дочь ненавидела скромность и серость?

Поздновато она спохватилась, что всё трудней находить с дочерью общий язык...

Да, отдушиной для души дочь не стала.

Оставалось только уповать на упражнения, возвращавшие мятущийся дух в рамки спокойного, обычного, устойчивого ровного настроения. Поддерживающие здоровье тела.

Гармония с собой?..

Хм-м...

Мужчины, который захотел бы понять её, и принять такой, как есть, тоже не нашлось.

Может, и их отпугивала её «правильность»? Или... Как раз – сила воли и решительность? А, может, все же педантичность-скрупулезность? Неприятие решений «с моста»?..

Что ж, невостребованность тоже банальна.

Единственное, что радует, что её дочь, столь скоропалительно, как ей представлялось, выскочившая замуж (как тут не вспомнить себя: с оглядкой и расчётом!.. Толку-то от него...), достаточно умело ладит и с мужем и со свекровью. Молодец. Нашла-таки правильный подход к ним. Не то, что она тогда...

Но, главное, дочь вовремя оказалась «пристроенной».

Так в сорок с небольшим она стала бабушкой. Однако насладиться этим положением не удалось. Теперь молодые смогут жить в её квартире, а это почти в центре. Проблем у них быть не должно. Игорек для этого слишком умён и порядочен.

В зяте она узнала... себя. Может, его характер так похож на её оттого, что он тоже – старший сын? Спокойный, рассудительный, немного занудный, но с юмором (вот чего ей всегда не хватало!). И с неистребимым чувством ответственности за «своих».

С ним она как-то быстро сошлась. И понимала его даже лучше, чем родную дочь. Наверное, поэтому и согласилась на их брак сразу же. А может, она уже что-то чуяла?..

Они будут счастливы. Она знала, она чувствовала это. Вот, скоро она избавит их от хлопот, связанных с её болезнью и погребением. И всё у них будет отлично. А к ней на могилу пусть ходят пореже. Она им так и сказала. Дочь плакала. Игорь понял.

Вот круг мыслей и вернулся снова к ней самой.

Она, Ирина Петровна Бережная, лежит где-то здесь, в ослепительной белизне реанимационного отделения Первой клинической больницы Ростова-на-Дону, и, несмотря на кошмар химеотерапии и всё остальное, очень быстро умирает от саркомы.

Иссохшие руки, ноги, и внутренние органы, к счастью, уже не причиняют ей мучительную боль. Болезненные уколы, унижительные процедуры оказались напрасны. Мужество и терпение, всегда выручавшие её, на этот раз не помогли. Правда, борьба шла не с внешним врагом, а с... Конец, никуда не денешься, близок.

Наверное, нужно проститься с...? Но она уже простилась. После стольких дней борьбы и неумолимо прогрессирующего ухудшения, когда ей (как, впрочем, и окружающим) всё стало окончательно ясно, она попрощалась и устно, и письменно со своими: дочкой, зятем и остальными родными и близкими. Подписала завещание.

Ну, составила-то и подписала она его задолго до всего этого.

Сразу после первого же обследования, когда бегающие глаза молодой, незакаленной ещё людским горем и смертью, профессорши, сказали ей всё. И родственников приводить было лишним – она поняла правильно, но, как оказалось, слишком поздно.

Они боролись. Она боролась.

Конечно! Чтоб она – да не боролась!..

Сразу согласилась на операцию. Жалко, что нельзя прооперировать мозги. Сейчас она попросила бы убрать тот самый стержень, который не даёт расслабиться, опустить руки, безвольно поникнуть в объятиях близких, разрыдаться, забиться в истерике, окунувшись в пучину отчаянной, безысходной тоски – по той жизни, где она недолюбила, недоучила, недовоспитывала, недоделала, недо... Так много всего...

Что это? Звук?

Нет, ЭТО не было звуком.

Какое-то новое ощущение.

Она ничего, совсем ничего не чувствует физически. Слово тела нет. Но что-то не так, совсем не так, как было раньше – вот, буквально секунду назад!..

Может, это и есть *Переход*?

Словно что-то сдвинулось, и поехало... Нет, не поехало – полетело.

Да, ЭТО началось.

Маленький зловредный наблюдатель в её мозгу тут же подметил, что отчаяние всё же проснулось. Но кричать уже нечем! Остался только внутренний голос. Но что же крикнуть хоть этим голосом в этот, действительно последний, момент?

– Господи! Прости, если что-то делала не так! Прости! Да свершится Воля Твоя!..

Но как бы хотелось ещё пожить! Столько всего в мире осталось прекрасного и непознанного! Такого красивого, мудрого, светлого!..

Белый коридор.

Нет, он не белый. Это яркий свет в его конце делает стены белыми. И он движется. Сам. Слепящий проём в его конце приближается.

Страх. Страх? Нет, это не страх. Мозг, наверное, продолжает работать. Она помнит, что означает этот коридор, и осознаёт, что бояться уже нечего. Хотя, честно говоря, эмоций и ощущений нет вообще никаких. Только виден наплывающий светлый прямоугольник, или квадрат. Совсем, как Малевич наоборот, успевает пронестись где-то на краешке сознания отвлечённо-абстрактная мыслишка, и тут сияние поглощает её, и...

Странно, где же свет?

Где вообще *всё*? Почему ничего, ну то есть, совсем ничего – нет?!

Может, сознание, «душа», всё же отключилась? Она всё так же ничего не чувствует, но теперь вокруг полная темнота и пустота.

Что, *это* вот так и должно быть?

Никаких ощущений, никаких движений, наконец, никакого времени?

И так – БЕСКОНЕЧНО?!!!

Не-ет, это невозможно. Она ведь отлично помнит впечатления коматозников: после коридора обязательно куда-то да попадёшь. Луг, сад, облако, наконец.

Ведь не в абсолютную же темноту, пустоту и неподвижность?

Или она уже проскочила ту фазу, откуда никто не возвращался? Если это так, то откуда... Почему...

Да, что это за странные смутные *ощущения*, словно она вновь что-то... Чувствует?

Причём чувствует как бы... Телом. Что за заноза сидит (и когда она возникла?!) в копчике? Грудь... дышит? А что за неприятный... запах? ЗАПАХ?!

Нужно признаться честно – она несколько подрастерялась.

Она, сомневаясь конечно, чего-то после жизни всё же ждала.

Ведь она христианка – и не по форме (форму соблюла её мать, когда окрестила её, как и она, в свою очередь – свою дочь), а по содержанию, смыслу.

Смыслом свою веру наполняла она сама: в силу полученных от жизни уроков. В силу своих понятий, убеждений и способностей. Может, её вера и несколько отличалась от традиционной – хотя бы в смысле выполнения каких-то общепринятых обрядов. Она не отстаивала служб, никогда не исповедывалась... Но по существу, она действительно крепко и глубоко в Господа верила.

Должна же она была хоть во что-то хорошее и светлое в этой жизни верить!..

Где-то же есть высшая, последняя, справедливость! К кому звать, когда, кажется, нет уже ни сил, ни терпения, ни...

И вот теперь что-то не так.

Может, это расплата? Может, всё-таки, надо было посещать храмы и молиться там вместе с другими? Но ей всегда казалось... кощунственным, что ли, проявлять или выставлять напоказ те глубочайшие и только личные переживания, те неуловимые и необъяснимые мгновения, когда человек не лжёт (или, хотя бы старается!) самому себе – в людном, публичном месте. И молилась она только в одиночестве.

Может, стоит попытаться что-нибудь изменить? Но где? В себе, или... вокруг?

Попробовать помолиться?

Она прочла про себя молитву.

В ощущениях ничего не изменилось.

Напротив, всё больше уверенности возникало в том, что на её дух (дух ли?!) продолжают какие-то сугубо материальные воздействия.

Ну, ладно, в некотором даже раздражении подумала она, если всё застыло, и не собирается изменяться в этой темноте, может, стоит попробовать пошевелиться самой? Чтоб хотя бы как-то избавиться от этой занозы в копчике...

Эта мысль показалась ей не совсем лишённой смысла. Ведь должно же быть хоть какое-то вместилище у Души и на ТОМ (для неё – уже на этом) свете?..

В конце-то концов, что она теряет, попробовав?

Медленно-медленно она пошевелила руками.

Двигаются. С большим трудом, но двигаются. Это её руки... О, как интересно... Возникло ощущение чего-то шероховатого, влажно-холодного под ладонями.

Что *это*? Явно что-то из ТОГО, старо-привычного, мира, мира предметов! Отстранённость и раздражение уступили место... любопытству и какому-то беспокойству. Сознание стало ярче, конкретней. А подсознание вообще забилося, затрепетало, оглушая какими-то несбыточными мечтами, надеждами...

Спокойней. Подумаем. Вот, у неё есть руки. Но зачем Душе одни руки? Где же всё остальное? Логичней попробовать узнать про...

Однако попытка пошевелить ногами окончилась гораздо хуже – ноги не ощущались и не двигались. Это довольно странно... А может, так и должно быть ЗДЕСЬ? Только Душа и руки.

Хм. Ну уж нет.

Человек должен быть весь, целиком... Ведь он же – образ и подобие Божье. Для того его и создавали, чтобы он боролся. Боролся за Жизнь!

Надо открыть глаза!

О! Они шевелятся! Она действительно их почувствовала – веки поднимаются и опускаются, зрачки ходят туда-сюда!

Но почему-то ничего всё равно не видно. Хотя – нет. Видно. ВИДНО?!!!

Маленькая, узкая полоска тусклого света, что проходит у самого пола. У пола.

У пола! Она лежит на полу!

Она лежит на полу на спине. Лежит в тёмном помещении. Тёмном, сыром, вонючем и очень холодном помещении. Гнёт замкнутого пространства резко ощутим.

Она очень замёрзла, и всё её тело затекло от неподвижности.

Вот это да! Она всё же существует в комплекте с телом! Но сколько же она тут... лежит? И почему?

Да, ноги, наверное, совсем окоченели от холода пола, и оттока крови, поэтому и не слушаются и не ощущаются. Но она видит! И может двигаться... У неё есть тело!

И, что важнее, она в каком-то конкретном, вполне материальном, месте! И она видит это. Ну, или чувствует...

А если попробовать встать, осмотреться?

Ох, с этим тяжелее. Руки слушаются, а вот ноги и спина действительно сильно занемели. И что-то ужасно жёсткое впивается в копчик. Плохо.

Ладно, попробуем хотя бы перевернуться на бок. Может, в другом положении будет получше, и приток крови вернёт подвижность ногам...

Это удалось, хотя и со скрипом занемевших суставов, и вернувшейся болью...

Вот, нахлынула та самая «полнота ощущений»! Резкая боль – в боку. Тупая – в голове и спине. Локоть упёрся во что-то острое, соскользнул. Вот блин. Или ругаться нельзя даже про себя?

Ну, тогда извините. Вырвалось... Ох, уж эти рефлексы...

Всё её тело свело от долгого, судя по всему, лежания на жёстком голом камне – да, пол под ней холодный, шероховатый, с острыми, неровными гранями, и отвратительным запахом нечистот и плесени. Липкий, омерзительно склизкий мокрый камень. Пол.

О, Господи! Началось... Что за боль! Это вместе с кровью заструилась по телу, по всей нижней половине, жизнь, со всеми своими проявлениями! О-о-о!..

Как хорошо, что она терпелива, и может, закусив губы, дожидаться конца этой пытки. Холодный пот выступает на лбу. Силы терпеть без крика, кажется, больше нет... Ну уж дудки! Она вытерпит!.. Она и не такое...

Ну вот, боль и отступает. Да, стало намного легче. Вот, нормально. Ф-ф-у-у!..

Да, она вновь чувствует своё тело. ВСЁ своё тело. Оно при ней, и, вроде, здоровое.

Кажется. Пожалуй, теперь и правда, ничего не болит. Только холодно и жёстко.

Но что всё это значит? Интересный вопрос.

А есть ещё более интересный: Где она? На больницу это мало похоже. Разве что она в морге. А почему на полу? Скатилась? Тогда – откуда? Ух, сколько мыслей, вопросов, сразу побежало, зароилось в голове. Кстати, что это с ней? В смысле, с головой.

Что это за зуд, или чесотка? И странная тяжесть и скованность?

Поднеся руки к голове, она обнаружила там огромную копну волос. Пусть спутанных, грязных, липких, но несомненно – её! Это не парик... они не снимаются. Точно – её.

Сколько же минуло времени, что они так отросли?! Если судить по длине, прошло не меньше... года (!), прежде, чем она... Ожила?

Она – ожила! Пожалуй, сомневаться не приходилось – она ожила!

Пудобней усевшись на полу, она снова и снова ощупывала себя, не зная, радоваться, или плакать: тело точно было при ней. С руками, шеей, грудью, талией, бёдрами... всем-всем!

И не было той страшной худобы, что в последние предсмертные дни особенно расстраивала её, и всех, кто сидел с ней в эти страшные дни, или приходил... попрощаться.

Нет, никакой худобы. Напротив, тело *прекрасно* – оно было стройно, упруго, и приятно отзывалось под ладонями, когда она придирчиво ощупывала себя всю.

Правда, эти приятные ощущения несколько искажались материей одежды, что оказалась на ней одета – какая-то довольно мягкая и ворсистая ткань... И само платье немислимого фасона...

Фу, как глупо! Обтягивающий жёсткий лиф с глубоким вырезом, а пониже тонкой (Ага, тонкой! Её!) талии – сплошные пышные когда-то, а сейчас слипшиеся, и ломкие от затвердевшей грязи, складки длинной широкой юбки, полностью закрывавшей все ноги.

А туфли? Туфель она не ощущала. А если потрогать? И посмотреть?

Насколько удалось разглядеть в слабом, едва пробивающемся сквозь темноту мерцающем луче, на ней всё же имелись – не туфли, а, скорее, тапочки. Мягкие тапочки, к тому же совсем изодранные, и протёртые на подошвах до дыр. Вот это да!

Что же, нельзя было что ли, дать ей к выздоровевшему телу нормальную одежду и обувь?..

Впрочем, не кошунствует ли она? Ей ли жаловаться?!

Ведь одежду и обувь ничего не стоит заменить, а вот тело...

Да, кстати, о теле. А её ли это тело вообще?! Ох. Ну и мысль!

Если тело... не её, это сразу объясняет и длину волос, и стройность талии, и непривычную упругость груди и бёдер. Но это слишком глубоко шокирующая мысль, чтобы постичь её сразу, в один приём!

С ужасающим чувством страшного (а может, и не такого страшного?!) сна, она провалилась в спасительную пучину обморока.

2

Она не знала, сколько была без сознания на этот раз, но скорее всего, недолго. Во всяком случае, ничего не занемело. И мысли сразу заработали, как надо.

Теперь она лежала на боку, и полоска света оказалась прямо перед лицом.

Что же это за свет, и откуда он? Почему она раньше над этим не задумывалась?

И, наконец, где она находится? Где люди? И что, в конце-концов, происходит?!

Много вопросов. Пришла пора поискать и ответы.

Ну, проще всего оказалось с полосой света. Она пробивалась из-под массивной двери из толстых, окованных железными полосами, некрашенных досок. Эта дверь неплотно прилегала к полу, и к косяку в тех местах, где были петли, и сквозь щели в палец толщиной просачивалось слабое мерцающее сияние. Оно то меркло, то становилось сильнее, словно его давало пламя, пламя, раздуваемое ветром. Света, в принципе, было достаточно, чтобы хоть как-то видеть себя и окружающую обстановку.

Ну что, заняться углублённым самоанализом, или всё же сначала осмотреть место, куда её... Хм. Начнём с задачи попроще, сказала она себе, кряхтя и потягиваясь.

Повторное ощупывание и осмотр тела подтвердили ощущение вполне здорового, и довольно молодого организма: ни морщин, ни жировых складок, ни ран или болячек. Объективно, пожалуй, этому телу было не больше тридцати-тридцати пяти лет. Удивляясь самой себе, она восприняла это довольно спокойно на этот раз, и попыталась встать.

С помощью стены это удалось. Хотя все члены и суставы несколько занемели от довольно продолжительного, судя по всему, неподвижного положения, болеть по-настоящему ничего не болело. Разве что, начинался лёгкий ревматизм от сырости.

Она стояла, опираясь рукой на неровную, шершавую, мокро-липкую поверхность камня.

Ощупав её получше, она поняла, что стена сложена из крупных, размером с приличную почтовую посылку, почти необтёсанных блоков, скреплённых чем-то вроде цемента, который местами выкрошился, образуя глубокие впадины, а местами оказался покрыт противной, белёсой и воняющей, плесенью.

Ничего выдающегося или интересного на поверхности стены она не нащупала. Брезгливо вытерла руку о подол, поморщилась. Цвет каменной кладки стен и пола определить в неверном свете было трудно, но она сразу решила, что он тёмно-серый. Камень таким и должен быть...

Кроме камня, плесени и грязи она обнаружила на стене кое-где и струйки воды, которая сочилась вниз бесшумно и непрерывно. На полу, блоки которого на вид ничем не отличались от стенных, местами стояли лужицы той же, неприятно пахнущей, и покрытой маслянистой плёнкой, радужными разводами поблёскивающей в мерцающем свете, воды.

Глаза уже неплохо приспособились к слабому и неверному освещению, и она рассмотрела, наконец, полностью комнату, в которой находилась.

Вытянутая каморка, размером примерно два на семь шагов, без единого окна, проёма, или выступа. Потолок находился на высоте более четырёх метров, но из чего он сделан, рассмотреть не удалось – всё терялось в темноте. В дальнем от двери углу темнел деревянный лежак, шириной с полметра, и почти на такой же высоте от пола. На нём неровным слоем лежала... прелая солома.

За лежаком, прямо у стены, в полу имелось отверстие, запах из которого не позволял усомниться в его предназначении. Ага, вот почему её до сих пор не затопило, как княжну Тараканову...

Интересно здесь решены проблемы гигиены... Ещё раз – хм!..

Обойдя всё помещение по периметру, и внимательно осмотревшись, она ничего, ну то есть – решительно ничего больше не нашла. Вот разве что в тёмном углу у двери увидела кувшин.

Обычный глиняный кувшин, в котором оставалось ещё литра полтора пахнущей всё той же плесенью, воды. Не придумав ничего лучше, она отхлебнула немного.

Нормально, пить можно.

Грех, конечно, жаловаться, но уж слишком похоже на тюрьму.

Или ещё хуже – на средневековую тюрьму. Этакое жуткое подземелье для особо тяжких преступников. Или, ведьм, что ли... Да и костюмчик у неё как раз подходящий по стилю к интерьерчику – такие она видела только на картинках в учебниках по истории средних веков, ну, и в соответствующих фильмах. Но вот отсутствие нижнего белья...

Опять жутко зачесалась голова. Что это, неужели настоящие вши?! Вот свинство – похоже, что так. Ладно, это неприятно, но не смертельно. Вывести можно, даже легко...

Ну хорошо, обстановку и условия своего быта она изучила. Остаётся самое сложное – осмыслить, что всё это означает.

А этого она пока... побаивалась.

Проблемы, связанные с переездами, переменами, новыми людьми, обстоятельствами, всегда беспокоили, напрягали её. Они требовали каких-то новых решений, действий, знаний и знакомств... Она же по природе, скорее, консервативна в привычках, поведении. Любит размеренность, последовательность и стабильность.

Вводить в свою жизнь что-то новое было тяжело и... да, страшновато – надо это признать честно хоть перед самой собой. Но она преодолевала в своём прошлом и это.

А здесь... Что же – здесь?..

Однако к счастью (или к сожалению?) предаться самоанализу и осмыслению обстановки ей не дали. Причём достаточно прозаическим образом.

Откуда-то из-за двери послышались приближающиеся шаги. Сопровождались они каким-то странным постукиванием и металлическим побрякиванием. Стресс мгновенно обострил все ощущения и заставил собраться, сконцентрироваться для встречи с чем-то новым, неизвестным: недаром же она училась этому на тренировках...

После нескольких коротких остановок шаги затихли, наконец, напротив её двери, и чья-то тень замелькала сквозь щели, перекрывая и без того слабое мерцание огня.

Страх, хотя казалось, для него вроде и имелись некоторые основания, не ощущалось.

Побрякивание стало совсем громким, звук шёл прямо от центра двери – словно с неё снимали... железные засовы или замки. Затем что-то звякнуло о камень, и дверь со скрипом и скрежетом распахнулась вовнутрь.

О, Господи!

В открывшемся проёме стоял рослый, крупный молодой мужчина.

Она с первого же взгляда определила, что он не враг ей. Всё, чему учили её, говорило об этом. Да и чисто инстинктивно она ощущала то же.

Уже хорошо. Союзник – это как раз то, что ей сейчас нужно. Особенно, если она и правда в темнице.

В одной руке мужчина держал кувшин – близнец того, что она использовала, в другой – какой-то кирпич и связку ключей. Но не это бросалось в глаза в первое мгновение.

А его *одежда!*

Чёрный мешковатый кожаный камзол с нашитыми серыми кожаными же полосами и толстым нагрудником, длиной до середины бёдер. Облегающие серые лосины на ногах. Кожаные сапоги с отворотами, повыше колен. И металлическая каска с перьями на голове.

Ох. На этот раз действительно – ох! Вряд ли этот маскарад в её честь. Значит...

Приятное бородатое лицо вошедшего осветилось улыбкой, когда в свете факела, висевшего напротив двери в железном держаке, он увидел её. Губы зашевелились, она услышала голос – хриловатый приятный баритон:

– Ну слава Богу, ваша милость живы! Не возложили на мою душу такого греха! А я-то, хоть виду и не подал, уж больно за вас опасался: вы были в таком... отчаяньи! Но всё равно – нельзя такое говорить!.. И впредь прошу вашу милость таких речей не вести – все знают, что самоубийцы не попадают в Царствие Небесное!

Она не сразу осознала смысл и всю важность сказанного, так как совсем другое поразило её при первых же словах. Вошедший говорил на... французском.

И она понимала его.

В школе она учила немецкий, да и то – что выучила, благополучно забыла, так же, как и английский из институтского курса. А сейчас она прекрасно ощущала и чувствовала все тонкости и нюансы обращённой к ней речи. Как и то, что смысл сказанного – очень важен.

Однако надо что-то ответить, и ответить правильно и быстро – так сказал расчётливый наблюдатель где-то глубоко в её сознании: этот молодой и симпатичный парень, судя по всему, хорошо к ней относится. Сильно волновался, возможно, даже молился за неё, чего-то «нехорошего» наговорившую. (И – не в *этом* ли одна из причин её... появления здесь?!).

Неужели предыдущая хозяйка этого тела пыталась надеть глупостей?

Слишком похоже, что не только пыталась, но и наделала...

Только какой же надо быть душой, чтоб добровольно отказаться от такого тела?!

Впрочем, не судите, как говорят, да и не судимы будете...

А пока такого ценного союзника, как юный бородач нельзя потерять – всё-таки она, похоже, в темнице.

Думать надо быстрее. Ответ готов, но получится ли ответить? Она сконцентрировалась на словах и интонациях молодого человека, стараясь воспроизвести сочный колорит старофранцузского. Со скромной и милой полуулыбкой она произнесла:

– Я передумала.

Это прошло легче, чем она опасалась. Оказалось, что говорит она глубоким, приятным, бархатно-певучим голосом, каким она всегда мечтала обладать, глядя на любимых киноактёров. Да и с оформлением мысли в слова тоже проблем нет. Единственное неудобство состояло в том, что она слегка охрипла – перемёрзла-таки, похоже, на полу.

– Ну то-то же! – ещё больше обрадовался бородач, и вошёл в камеру ещё на один шаг. Длинный и тонкий меч, висевший у него на боку задел при этом за косяк с характерным звоном, – А я вашей милости поесть принёс.

Он поставил в угол кувшин и протянул в её сторону подозрительный кирпич:

– Вот, специально выбрал получше, да уж боялся, что придётся... нести назад!

Ей за эти короткие мгновения из их разговора и неизбежных логических выводов, сразу стало ясно так много. Но, с другой стороны, катастрофически мало:

– Во-первых, она – француженка, и она во Франции (или, по-крайней мере, в стране, где французский в ходу). Во-вторых, она отброшена по времени на несколько веков назад, так как на специально организованный к её пробуждению маскарад таких масштабов, да ещё с гипноизучением иностранных языков, шансов никаких нет. В-третьих, без сомнения, она – пленница. В-четвёртых, её симпатичный (да, черты его лица, хоть несколько грубоваты, но мужественны и приятны) страж относится к ней действительно с сочувствием. И, похоже, предыдущая хозяйка этого тела пыталась, и не без успеха, расположить его к себе.

Отлично. Тут она с ней полностью солидарна.

Было и ещё несколько соображений, но сейчас основное значение для её освобождения из этого сырого и крайне неприятного места, имеют третье и четвёртое.

Парень наивен и открыт. Пожалуй, даже слишком открыт – его сочувствие к ней не заметит только слепой. Нужно постараться, разумеется, использовать его. Но – аккуратно и грамотно. Подставить наивного, похоже, деревенского, парня, было бы подло.

Но тогда – какую же выбрать линию поведения? По его обращению (да и по её одежде) похоже, что она какая-то высокородная дама. Следовательно, по-идее, она не может разводить здесь, в эту эпоху, демократию с простым солдатом: барьеры между классами и сословиями здесь ещё сильнее, чем в обществе недоразвитого капитализма, к которому она привыкла там... дома.

С другой стороны...

Есть одно древнее чувство, которое, к счастью, не признаёт классовых барьеров. Да и зачем мудрить – может, в этом солдате её единственный шанс на спасение, ведь, похоже, на другие возможности спасения, типа, помилования, или оправдания, надежды нет – иначе отчаяние не овладело бы бывшей хозяйкой...

Итак, нужно постараться укрепить и развить его сочувствие к ней, не брезгуя для этого никакими (она точно не в таком положении, чтобы особенно выбирать!) средствами. Заодно нужно постараться узнать как можно больше о себе, любимой, и за что её, такую хорошую, мягкую и пушистую, засунули в каменный мешок к гнилой соломе.

Для начала, наверное, стоит попытаться изобразить себя невинной жертвой чужих интриг. Среди высшей знати это добрая традиция. В-смысле, интриги.

Постаравшись улыбнуться попечальней, она с нарочито медленной грацией двинулась к нему навстречу. Сколько веков ни прошло бы, мужчина остаётся мужчиной, а женщина – Женщиной. Никто и ничто не сможет отнять у неё врождённых, данных самой Природой и праматерью Евой, приёмов и способов. Мужчины, значит, глазами?..

Её новое тело в этом смысле подходило идеально: чувственная энергетика и пластичность, отзывчивость на малейшие нюансы мыслей и желаний, поразили её саму. Похоже, сила её обаяния колоссальна, и поистине неизмерима, так как... слабость её не имеет границ!..

Главное теперь – не переборщить бы с этой самой слабостью.

О, бедные, наивные мужчины! Разве могут они устоять...

Ведь дело не в запорах и каменных стенах, а – *в них самих!*

Пока казематы стерегут существа мужского пола, им, женщинам, никто не запретит... Ну, пусть не совсем так, как описано у Дюма... Но всё же – постараться!

Опершись, как бы от слабости, одной рукой на омерзительно липкую стену, другую она пристроила на груди, прекрасно зная, что так взгляд автоматически устремляется туда, куда ей и надо, печально опустила лучистые честные (стыдно, но – надо!) глаза, и тяжело вздохнула. Так, изгиб тела чуть больше, чтобы подчеркнуть тонкую талию.

Да, чёрт поberi (но прости, Господи!), если для освобождения не найдётся других средств, она смело и без колебаний воспользуется этим роскошным телом! Слишком велика жажда жизни, чтобы пренебречь любым оружием, оказавшимся в её распоряжении! Да и не для того, надо думать, ей столь чудесно подарили второй шанс, чтобы позволить себе бездарно сгнить в смрадной темноте подземелий!

Прочь сомнения и страхи. Сейчас, наплевав на условности и всякие моралистские соображения, нужно спасти это великолепное тело. Ну и с ним, понятно, себя.

Хоть тело её и действовало как бы инстинктивно, почти само по себе, подкрепив его движения решением ума, она почувствовала себя гораздо спокойней и уверенней.

Теперь внутри у неё царит полная гармония – гармония жажды жизни.

Она подняла задумчиво-загадочный взгляд ясно-лучистых глаз, устремив его прямо в лицо так и стоявшему с поднятой рукой солдату, и одинокая горячая слезинка скатилась (она знала, что свет факела выделит эту слезинку на грязном фоне) по её щеке. Прекрасной формы грудь часто вздымалась под белой точёной рукой. Света для её мини-спектакля факел давал вполне достаточно. И падал он прямо на неё. Ну, разве она – не примадонна?

Примадонна эксклюзивного спектакля – всего на одного зрителя.

Как бы через силу и душившие её рыдания, которые только гордость не даёт показать, она дрогнувшим голосом произнесла:

– Я благодарна тебе за это. Как и за то сочувствие, с которым ты один относишься к моей печальной участи.

Прошло довольно много времени, прежде чем он закрыл, наконец, рот. Потом, правда, снова открыл, похлопал глазами. Шумно вздохнул.

Да, стрела явно попала в цель. Не напортишь бы. Так, спокойней, не переигрывать.

– Ох, ваша милость... Да, вы правы, тысячу раз правы! Я очень сочувствую вам! Вы так молоды и прекрасны – конечно, ваше место не здесь! И это, – он показал чёрствый чёрный кусок хлеба в своей руке, – не еда для вас! Вы достойны роскошных замков, прекрасных нарядов, слуг и всего того, что должно окружать всегда такую даму, как вы! И я просто ума не приложу, как вы, всё это имея, решились на такое... такое чёрное дело, такое преступление!

Ну здравствуйте! Значит, она здесь за *дело*?! И, видать, очень серьёзное... Дело.

Неважно. Она знает, как действовать, так это на самом деле, или не так!

– И ты поверил всем этим росказням? – пора преобразаться в невинную, но гордую жертву, – Да ведь меня просто нагло оболгали! Я не совершила ничего из тех мерзостей, в которых меня обвиняют: я всего лишь беспомощная жертва клеветников, которые выше меня и сильней! (наверное, и правда, у неё есть могущественные враги, раз до сих пор такая красавица – она! – в таком месте!) – горячий взор убеждённого в своей правоте невинного ангела. Достаточно. Теперь этот взор надо резко погасить, и глазки опустить к полу. Интонации совсем другие: надлом, самоирония, горечь...

– Впрочем, всё это ни к чему. Все мои оправдания никому не нужны. Ах, всё это слишком хорошо мне понятно. Меня искусно оклеветали, выбрали на место жертвы...

Мои враги, которые всё это замыслили, слишком высоко стоят, чтобы я посмела в этом их обвинить, и слишком могущественны, чтобы я могла хоть как-то защититься. Спасись...

– О, нет! Такая хитрая бестия всегда найдёт способ спасти свою шкуру! – язвительно-злой голос наполнил коридор, и, отразившись от стен, вплыл в камеру вместе с его обладателем, – Да уж, такая прожжённая интриганка и притворщица может, например, рассказать наивному мальцу красивую байку, как её подставили, бедненькую, и он проглотит

эту чушь, потому что слушает больше глазами! – злобный взгляд и кивок на молодого парня сопровождали этот не лишённый сермяжной правды выпад.

Новая угроза. Она мгновенно подобралась, и приняла позу оскорблённой до глубины души благородной Леди. (голову для этого пришлось откинуть так далеко назад, что аж затрещали непривычные к такому обращению шейные позвонки).

Новый враг, который явно являлся начальником «наивного мальчика», разумеется, более опасен. Однако – имеет больше власти. Поэтому, раз, похоже, бедного парня использовать уже вряд ли удастся (не стоять ей на этом месте, если не так!), то, может быть, имеет смысл переключится? Если умело использовать слабые стороны этого самого начальника, он может представлять собой и более простой и короткий – в силу той же начальственности! – путь к свободе! Необходимо срочно включить резервы, и пристально изучить его!

Ну а пока «благородная дама» должна что-то быстро ответить наглцу из плеебев.

Она сама поразилась, насколько быстро всё это пронеслось и сформулировалось в её мозгу – видеть, он не засорён «продвинутыми» подарками цивилизации, и рафинированным питанием.

Отлично. Пусть цинично, но она не в таком положении, чтоб морализировать.

За доли секунды, пока всё это проносилось в уме, зрение уже сделало своё дело: глаза явно не нуждались в очках, и мельчайшие детали схватывались мгновенно. И запоминались.

Вот его немного гротескная фигура, чётко выделяющаяся на фоне светлого прямоугольника дверного проёма: одежда явно лучшего качества, чем у рядового, но сидит мешковато (выбран размер побольше – чтоб казаться солидней: и себе и подчинённым). Походка нарочито тяжёлая, с претензиями на авторитетность, немного вперевалку. (Значит, кривоватые ноги. То есть – уже большой комплекс.)

При небольшом росте руки несколько длиннее, чем надо. Наглость – наглость плеебея перед той, что по социальному статусу явно выше его, но сейчас находится полностью в его власти, и последствий за это хамство и наглость он не опасается (это тревожный факт – он заставляет *сильно* задуматься о своём будущем. Но – об этом позже!). И, конечно, эта дурацкая манера самовлюблённого чревоугодника: пузо нести впереди себя, словно оно – самое выдающееся достижение его обладателя!

Законченный тип комплексующего туповатого карьериста, к старости мелкими услугами, подхалимажем и выслугой лет выбившегося в начальство промежуточного звена, и теперь бесконечными придирками изводящего подчинённых, которых ненавидит, считая конкурентами (естественно, последнее у них – на взаимной основе). Но – хитрый. Не умный, а именно – хитрый, той самой, мелочной, «бытовой» хитростью. Остаётся удивляться, что за все (интересно – сколько?!) прошедшие века этот тип людей нисколько не изменился.

Да, наверное его можно использовать.

Слабые стороны: чревоугодие, властолюбие, завистливость, глупость (ну, или, скорее, ограниченность интересов), жадность. Последние две черты так и сквозят в маленьких, близко посаженных водянистых, неопределённого цвета глазках.

– Благодарю за изысканные комплименты. Вы – настоящий рыцарь! Как, наверное приятно оскорблять беззащитную женщину – ведь она не мужчина с мечом. Может быть, его светлость приплачивает вам за каждую сказанную гадость дополнительно? – (интересно, правильно ли она сформулировала титул его хозяина?).

Маленькая разведка боем тут же дала довольно буйные плоды:

– Чёртова ведьма! Отродье дьявола! – смотреть на его брызжущий слюной рот и трясущееся брюхо было противно, но и смешно. Однако, конечно, внешне она виду не подала, – Я вижу – его высокопреосвященство недаром приказал мне следить за тобой денно и ночью! Коварная змея! – обвиняющий жест пухлой руки с толстыми волосатыми пальцами вскинулся к её груди, рот перекосило от злобы. Он со свистом вдохнул.

– Ты можешь из других вить верёвки! Но со мной – да, со мной! – твои трюки не пройдут! Ты больше никого здесь не окрутишь, и не собьёшь с пути истинного своими дьявольскими речами и ангельской внешностью! Смотри-ка – ишь, «невинная жертва» нашлась!..

Этот болван – снова кивок в сторону застывшего бедняги, – может и не знает о тебе ничего, но я – Я! – я-то всё знаю! Будь моя воля – тебя бы и судили, как ведьму, и сожгли бы – уж можешь не сомневаться! – в тот же день! Скажи ещё спасибо своему мужу – покойнику (Царствие ему, бедняге, Небесное!), – он истово перекрестился, – Если бы не его имя, не видать бы тебе суда и следствия! Просто заживо сгнила бы тут у нас в нижнем подвале, и никто никогда не вспомнил бы... .

Надо же, какой красноречивый, подумала она, быстро переваривая новую информацию, – прямо уездный трагик. Он, однако, ещё не закончил.

– Ну, ничего, ничего, – отдуваясь, и несколько поостыв, уже гораздо тише проворчал этот начальственный коротышка, – Недолго тебе здесь издеваться над нами – казнь через четыре дня! Когда, сударыня, ваша прелестная дерзкая головка отделится от тела, – он не удержался, чтоб не показать кистью руки, – вряд ли вы сможете что-то сказать своим медоточивым ротиком, а тем более, кому-то навредить. Мёртвые не кусаются! Ха-ха!

Какая свежая шутка. Язык так и чесался – достойно отбрить хама... . Однако внешне она осталась неподвижна.

– Гийом! – офицер резко повернулся к молодому человеку, – ступай на кухню! С сегодняшнего дня ты на неделю отстранён от дежурств в казематах. Будешь помогать толстому Пьеру кашеварить и перетаскивать мешки.

– Но... . – робко попытался вставить слово всё ещё протягивавший руку с хлебом вперёд, притихший и растерянный Гийом.

– Немедленно, я сказал! Ступай! Эй, стой! Положи *это!* – Гийом так и ушёл бы с куском в руке, – Положи, говорю, возле кувшина! Так. Забери старый... . А теперь – ступай! Я сам запру. Стой же, балда ты этакая, отдай ключи! – ключи были действительно преогромные, с ладонь! – И не забудь там связку с факелами!..

Когда неровные шаги расстроенного солдата стали удаляться, более-менее отдышавшийся и успевший взять себя в руки мужчина снова повернулся к ней, выйдя из дверного проёма, откуда он следил за уходящим. Его злые прищуренные глазки горели. Только когда звук стих, он повернулся. Глазки снова злобно сощурились:

– Его высокопреосвященство всё верно сказал. Вы – ведьма.

Язык вашей милости – ваше главное оружие. Вам ничего не стоит втоптать человека в грязь, или унижить перед подчинёнными... . Ну, ничего! Оставшиеся денёчки я *сам* буду охранять вас. Уж со мной-то ваши шуры-муры не пройдут! Красивая чертовка! Ничего у тебя не выйдет!

Однако словно в опровержение собственных же слов он как-то бочком, опасливо семеня, упятился в коридор и преувеличенно сильно, так, что даже забившееся пламя факела чуть не погасло, захлопнул дверь. Чертыхаясь, загремел засовами. Удалился он, уже не скрывая своих шагов, а напротив, подчёркнуто звонко топая.

Ого, как много информации, и важнейшей информации, теперь в её распоряжении!

Самая главная, конечно, о казни. Похоже, если она намерена выжить – а она намерена! – рассиживаться и самокопаться не приходится. Да и желания особого нет: не то место и время.

Так, если голову отделят от тела, это значит, что её, скорее всего, отрубят. Гильотиной, мечом, или топором? Нет, явно, однозначно – топором. Гильотина – дочь французской революции, а судя по декорациям и тексту, она в другой, намного более ранней пьесе!

Но способ отделения головы сейчас представляет, так сказать, чисто академический интерес! А стратегически важным фактом является то, что в её распоряжении только трое суток. День казни не в счёт – там будут всякие исповедания, проверки, и т. п.

Жаль, конечно, что этот глупый коварный мужлан испортил всю её (а похоже, и её предшественницы) работу и планы по использованию Гийома. Бедный парень! Остаётся надеяться, что неделю на кухне он как-нибудь переживёт. Ну да оно и к лучшему: останется вне подозрений, если она убежит отсюда.

Нет. Стоп! Не – если! Она убежит отсюда.

Но раз этот путь к свободе отрублен, нужно срочно переключаться на план «Б».

Для начала хотя бы его придумать.

Так на кого же ей ориентироваться, на кого, и с помощью чего, воздействовать на «неблагоприятные» обстоятельства?

Посетит ли её кто-нибудь ещё за эти три дня – неизвестно. Да и крайне маловероятно. Разве что священник накануне казни. Но это уже поздновато... Да и имеет ли реальную возможность священник как-то вывести её отсюда? Тоже маловероятно.

Здесь, в этом подземном каменном мешке всем распоряжаются военные – какой-то гарнизон. Тюрьмы, или замка. Что ж. Всё просто и ясно.

Так как стены долбить, и замки вскрывать (во-всяком случае, изнутри) она не умеет, да и некогда, единственным реальным шансом является Гийомов сердитый начальник.

Однако вести себя с ним в том ключе, что сейчас, или применять такую же тактику, как к молодому парню, было бы довольно глупо. Стимулы не те. Значит, нужно найти те. Тайные стремления, нереализованные амбиции, и прочие потаённые грешки есть у всех.

Думай, Ирина, думай. И быстро!

Времени, отпущенного ей на сохранение второго шанса, осталось чуть-чуть.

И если она хочет сохранить это новое, здоровое и прекрасное тело в одной упряжке со своим сознанием, она должна доказать, что ей не напрасно предоставили такую уникальную возможность. Самое время напрячь интеллект и интуицию. Выход есть. Для человека, уверенного в себе, он есть всегда!

Ведь вокруг всего лишь – люди и обстоятельства. А это – не землетрясение, или ... болезнь. Тут можно и нужно справиться.

Ну и главное – она должна доказать: тот, кто дал ей этот шанс – не ошибся!

3

Опустившись на прелую солому лежака, и приняв позу лотоса, она закрыла глаза. Так, теперь дыхательная гимнастика... С телом порядок. А теперь – расслабиться. Хорошо.

Теперь сконцентрироваться. Я всё могу. Я здорова и сильна. Я умна и много знаю. Я знаю то, чего не знают здесь. И я знаю людей. Я знаю слабости людей, я понимаю их. Я понимаю, что нужно людям. Я спокойна. Я уверена в себе. Я придумую. Да.

Я придумую.

Ещё до ужина она придумала. Придумала способ и выбрала средства. Проработала детали. Предусмотрела случайности и альтернативные действия...

И придала себе соответствующий вид.

Ужин, как и обещал, угрюмо надутый коротышка принёс сам. Случилось это часов через шесть. Состоял этот ужин-обед из очередного кувшина с водой и миски с полужидким месивом непонятного цвета.

Всё это было с нарочито равнодушным видом поставлено в угол, причём без единого взгляда в её сторону. Похоже, он-таки сильно её боится, наверное, скорее, инстинктивно.

Но тогда бы ему заткнуть уши, а не отводить глаза.

Он так же молча собирался и уйти, когда его догнал её холодный, без каких-либо эмоций голос:

– Мне нужно распятие.

Он так и застыл. Интересно, что его больше поразило? Сама просьба, или нарочито нейтральный, равнодушный тон?

– Заключённым не положены посторонние предметы. – выдавил он из себя наконец, всё ещё избегая смотреть на неё.

– Значит, вы готовы взять на себя ещё и этот грех?

– Какой ещё грех?! – возмущённый, он всё же наконец уставился на неё округлившимися глазами. Тут-то он и получил возможность оценить её консервативную причёску и фанатично горящие глаза.

– Как – какой? Ведь если можно ещё спасти мою Душу (она старательно выделила это слово), а кто-то помешает этому, разве не он будет виновен в том, что *она* не отправится в Царствие Небесное, как и положено у всех христиан? – голос всё ещё был подчёркнуто спокойным, но внутреннего динамизма она добавила.

Помолчав, чтобы до него лучше дошёл смысл сказанного, она продолжила:

– Разве не грех отнять у Господа то, что могло бы принадлежать Ему, а вынуждено будет провалиться в геенну огненную?

– Э-э... Подождите! Я не понимаю... (а, так он ещё и тугодум! Или он настолько несведущ в вопросах веры? Нет, это вряд ли. Но форсировать или давить всё равно нельзя.), – Какая Душа? У кого её отняли? У вас, что ли? – теперь он презрительно хмыкнул, – *Это* вообще не в моей компетенции! И не будем больше об этом. Вот придёт послезавтра священник, к нему и обращайтесь со своей «душой»! – он тоже выделил это слово, но уж не без издёвки, – А я – простой солдат, и здесь не помощник!

Медленно выдохнув, она предельно спокойно попробовала ещё раз:

– Не хотите ли вы сказать, что простые солдаты в Бога не верят?

– Что за чушь?! – он возмущённо встрепенулся, – Верят, конечно!

– Ну вот и моей веры у меня тоже никто отнять не сможет! – она агрессивно подалась в его сторону, тут же впрочем, остановившись, – Я не хочу предстать перед Всевышним с отягчённой и нечистой совестью. Я должна *постараться* вымолить прощение за свои грехи!

Опасаясь переиграть, она замолчала, и повернулась к стене. Ещё рано проявлять какие бы то ни было эмоции. Жертва ещё не заглотнула крючок с наживкой. Хотя, конечно, непорядочно использовать как наживку единственное, что, может быть, осталось святого у этого повидавшего виды прагматичного карьериста, – его, возможно, в глубине души искреннюю веру в единственно непреходящие ценности: в Бога, Высшую Справедливость, и Царствие Небесное...

Впрочем, будем реалистичны – возможна ли, с его-то мировоззрением и циничностью, эта самая искренняя Вера? Ну а если и нет – показать он это (даже самому себе) побоится. Стереотипы поведения и воспитания ставят на такие проявления «циничного неверия» жёсткие ограничения – особенно в эпоху ведьм.

– Ах вот как! Ваша милость решили, что за два дня молитва очистит в вашей душе то, что вы годами там пакостили?! Ха-ха-ха! (до чего наигранный смех – это ясно и ему самому: вот он заткнулся), – Ну, нет! Такие злодеяния так просто не искупить! – издевательский тон говорил о чувстве внутренней правоты. По-крайней мере, для него – она точно была виновна, – Господь-то знает, кто истинно верует, а кто только хочет показать себя верующим! Нас, людей, вы ещё можете обмануть, а вот *Ego* – не выйдет!

Он замолчал, выпятив вперёд подбородок, словно хотел придать больше веса своим (надо признать – довольно справедливым) словам.

Что ж, он готов. Первый этап успешно пройден, нужный настрой у жертвы достигнут.

– Значит, вы отказываете мне? – слегка разочарованный, но спокойный тон.

– Ну, нет! Я нормальный католик, и на себя такой ответственности не возьму, конечно! Пусть ОН – палец в потолок и кивок головой, – вас судит! И хотя его высокопреосвященство

и запретил вам что-либо давать, уж против распятия-то, я думаю, он точно возражать не стал бы. Вот только наверняка ему и в голову даже прийти не могло...

По-правде говоря, и мне тоже!.. – он чуть отстранился, взял паузу, но продолжил:

– Да, я дам его вам. И даже скажу, почему, – он перевёл дыхание, и несколько сбавил тон, – Если вы что-то опять задумали, сомневаюсь, что деревянный крестик поможет вам убежать, или навредить кому-нибудь. Ведь кто бы ни пришёл, я-то буду здесь! Ну а если – вдруг! – ваша милость и вправду хочет вымолить прощение у Всевышнего, то моя совесть будет чиста: я не мешал вашему покаянию!

Да, в житейском прагматизме ему отказать нельзя. Молодец. Практически оправдал её расчёты – сказал то, что и должен был сказать надёжный, и набожный охранник.

Теперь дело за ней. Нужный тон и движения давно продуманы. Главное – чтобы не чувствовалась отрепетированность домашней заготовки.

Очень медленно она повернула к нему слегка опущенную голову. Развернулась сама. Брови подняты, взгляд прояснено-удивлённый. Как бы через силу она выдавила:

– Благодарю... вас. – и после тщательно рассчитанной паузы и еле слышного вздоха, – Простите за недостойные мысли о вас. Я думала... Я думала вы побоитесь сделать это.

Ведь наверняка его светлость... Ах, Господь, прости мне... – и после ещё одной паузы, глубоким грудным регистром. – Спасибо. – совсем уже близко сдерживаемые слёзы. Но они не прольются – гордость...

Она опять опустила голову, отвернулась, и сильнее навалилась на стену рукой.

Нужно не играть – нужно действительно ощутить стыд перед ним (таким порядочным!) за своё предыдущее отношение – презрительное и высокомерное.

Теперь – только молчать.

Молчать, чтобы не развеять свой образ и его самоощущения от благородного и, в общем-то, смелого, поступка.

О том, что что-то произошло с его позицией в отношении неё, сказала красноречивей всяких слов, довольно долго сохранявшееся молчание. И даже факел не трещал.

Затем жертва тоже беззвучно вздохнула, как бы сбросив невидимые чары, и неуверенно пробормотав:

– Да ладно, чего уж там... Ведь вам так мало осталось... – затем, словно устыдившись бестактности, он неуверенно как-то развернулся и вышел. Дверь не хлопнула, а медленно, вроде даже с сожалением, закрылась.

Замок запереть он, разумеется, не забыл.

Медленно она пошевелилась, сменила неудобную позу. Атмосфера, столь сильно накалённая ею, разрядилась.

Его шаги уже затихли вдали, когда она, наконец, вдохнула полной грудью.

Получилось. Получилось? То, что она задумала для первого этапа, вроде, получилось. То ли это, что ей нужно? Хочется верить. Нужно верить.

Ну вот, первый этап позади. Тело, голос, метод самонастроения и вживания в образ не подвели. Ладно, теперь главное – действовать методично и придерживаться плана.

Звучит – даже для себя – прямо как в американских боевиках... И они кончаются хорошо... Оптимистичны, в отличие от большинства поделок отечественной киноиндустрии. Нет: она – за хороший конец. Это уж точно.

Сейчас же можно на какое-то время расслабиться и попробовать местную еду. А то привкус от кислого чёрного хлеба держится во рту до сих пор.

Ну вот, всё остыло. И ложка неудобная – из дерева. Но, в принципе, есть можно, и всё вполне съедобно. Да, вполне. Для восполнения нервных и физических сил похлёбка из гречихи вполне годится. Вроде, и сказано было немного – а вот поди ж ты, ушла уйма сил.

Но главное – нужный настрой, атмосфера, вроде, созданы. Теперь нужно восполнить потерю энергии. Силы ей понадобятся – ещё как понадобятся. И, возможно, очень скоро.

4

Не прошло и получаса, как он вернулся. Возможно, он мог бы прийти и раньше – судя по всему, распятие было его собственным, а жил он явно где-то здесь же. Но по дороге, очевидно, его терзали разные мысли и сомнения.

Да и то правда – кого бы на его месте они не терзали: вверенная преступница вдруг на сто восемьдесят градусов сменила курс: из коварной оболъстительницы превратилась в кающуюся грешницу (как не вспомнить снова «Трёх мушкетёров»! – будем надеяться, что их ещё не написали!).

И по здравому размышлению, он придет к мысли, что она ломает комедию.

Такое положение устраивало её, как ничто другое. Муха должна увязнуть в паутине. А ещё лучше, если сама муха и слепит и укрепит свою паутину – чтоб увязнуть покрепче. Даром, что любой человек – раб своих же привычек и стереотипов...

Разумеется, она ожидала, и подготовилась к его возвращению.

Тем не менее, услышав медленные шаги и поворот ключа, не смогла на какое-то мгновение сдержать нервную дрожь. Ведь люди – не вычисляемые калькулятором однозначные цифры-результаты... В конце-концов, он мог и передумать.

Начихать на все тонкости её психологических построений, и просто напиться вина, или поручить кому-нибудь другому принести ей еду, а про распятие и её религиозное рвение как бы забыть...

Но вот он входит, и так медленно, что она успела справиться с собой.

В руке он действительно держал маленькое – сантиметров тридцать – деревянное распятие. Увидев распятие, и задержав на нём взор, она чаще задышала, и, как бы в изнеможении, села на лежак, не забыв вытянуть в его сторону заметно дрожащую руку.

Тем самым она сразу достигала двух целей: вынуждала его подойти к ней (а вблизи её энергетика давала гремучий эффект, она это знала, и чувствовала), и смотреть на неё сверху вниз. Таким образом он не чувствовал себя ущемлённым своим небольшим ростом. И мог ощущать себя (ну уж тут – ха-ха!) хозяином положения.

Всё верно: он не купился. Это стало ясно, едва он открыл рот:

– Вот распятие для вашей милости, – держа его перед собой, словно бы отгораживаясь от неё, он медленно и довольно спокойно и уверенно подходил, – Я выполнил своё обещание и свой христианский долг! Но вы уж не обессудьте, сударыня, – тут в его голос снова прорвались нотки иронии, – По здравом размышлении я не очень-то верю в ваше раскаяние. Я не первый день слежу за вами, и раньше что-то не замечал в вас каких-то религиозных порывов!

Поэтому я делаю это не для вас, а для себя: чтоб совесть моя была чиста и спокойна – да, я сделал, что должно!.. Остальное – во власти Божьей! – сделав ещё медленный шаг, он встал напротив.

Поколебавшись какое-то едва уловимое мгновение под её лучисто-тёплым, всепрощающим взором, он вложил-таки распятие в её поднятую руку.

Искра всё же пробежала от его руки, когда он невольно коснулся её пальцев.

Хватит, дольше выдерживать драматическую паузу нельзя, а то мистический миг доверительности и единения пройдёт.

Бросив краткий взгляд на распятие, она тут же снова подняла глаза на него:

– Почему вы стараетесь выглядеть более жестоким и зачерствелым, чем на самом деле?

Я же чувствую – всё это только шелуха, корка... Ведь несмотря на строжайший запрет, и свои... сомнения, вы всё же принесли мне ЕГО, – она, чуть вздохнув, снова перевела взор

на распятие, которое теперь прижимала к своей груди стиснутой изо всех сил рукой (он должен заметить побелевшие костяшки пальцев), – хотя вы даже не представляете, *как* это важно сейчас для меня, – против таких глаз, да ещё вблизи, устоять, конечно, не смог бы никто.

Но не их, и не красоту своего тела собиралась она использовать сейчас как оружие.

О, мужчины, боящиеся быть соблазнёнными, или одураченными, как вы... Правы! (впрочем, она не исключала мысли о том, что *некоторые* женщины, *возможно, иногда* честны в своих взаимоотношениях и поступках...).

Выдержав очередную паузу, с лёгкой горечью она задумчиво произнесла:

– Вы очень помогли мне. Это распятие, этот могучий символ, и вправду важен для моей души и совести! И пусть Господь простит вам ваше недоверие и вашу иронию – я помолюсь и об этом. Впрочем, вы и не могли относиться ко мне по-другому! Но тут уж простите, – она горько усмехнулась, – я (по привычке, наверное!) – так цеплялась за жизнь...

Ещё простите за Гийома – он ни в чём не виноват. А я... – она опустила голову, – Я постараюсь, чтобы оставшиеся часы моей жизни никому не принесли вреда.

Внешне это проявлялось только в мелочах – подрагивании кончика меча, учащённом, еле слышном дыхании, и напряжении в туловище – но она чувствовала, что теперь он в ещё большем замешательстве, чем вначале. И сейчас здесь не было никого – ни начальства, ни подчинённых, перед которыми нужно было бы сохранять лицо.

Но и совета, что делать, и как вести себя дальше, спросить было не у кого. Кроме того, он явно испытывал стыд. Ну, может, и не стыд – но определённое смущение. (это он-то, забывший, наверное, что значит и само это слово!), за свои – хоть и вполне обоснованные – подозрения насчёт намерений доверенной узницы.

Всё в порядке, грубая честность (по Карнеги) почти всегда ставит в тупик и лишает аргументов. Она не играла – она просто жила своим образом. Похоже, порядок.

Однако нельзя слишком затягивать молчание – иначе чувство неловкости, стыда, и, возможно, возникающей жалости, сменится у него на чувство злости. На себя же – за эти самые стыд и жалость! – а затем эти эмоции будут перенесены на неё, автоматически, в целях самозащиты от уязвлённого самолюбия.

Вновь подняв на него не столь уже горящий, а скорее, умиротворённый взор, она совсем тихо произнесла:

– Благодарю вас ещё раз. – Снова вздох, но уже более оптимистичный (если только может быть оптимистичный вздох!).

– Да ладно уж... Пожалуйста! – смог наконец пробормотать временно выпущенный из-под гипнотического действия кобры-постановщицы спектакля, беззащитный воробей, – Вы тоже... меня простите за... э-э... недоверие. Сами понимаете – работа такая. Да и то сказать – слишком много разных... э... дел числится за вашей милостью, чтобы вот так, сразу, поверить в ваше искреннее раскаяние. Поневоле засомневаешься... – Ага, вот он уже, пусть неловко и криво, но улыбается.

Даже стыдно брать его именно в этот момент.

Но – надо. Тем более он так здорово ей подыгрывает. Она успокоила промелькнувшие угрызения совести обещанием сохранить ему жизнь и свободу – из образа выходить нельзя.

– Из того, что мне приписывают, – так же медленно, тихо и отрешённо, снова уведя взгляд в сторону и вверх, словно бы к небу, начала она, – лишь за ничтожную часть я действительно в ответе... – тут она вскинула кверху и вновь, словно внезапно обессилев, опустила руку с распятием, и позволила части рыданий (но – сдерживаемых) проскользнуть в голосе, – В ответе перед Богом и людьми. Но – нет...

Не это мне предстоит замаливать. Главная вина и беда моя не в этом. И его высокопреосвященство прекрасно об этом знает. Для того-то он и устроил весь этот заговор, чтобы я оказалась здесь, и он без помех вырвал у меня мою тайну! – обличающие и гневные ноты в её

крепнущем голосе зазвучали уверенней, – Да! Все эти злодеяния на моей совести, но и на его – тоже!

Она как бы судорожно сглотнула душившую её слезу, и чуть патетичней продолжила:

– И я знаю, что его толкнуло на это: его непомерная алчность, его корыстолюбие! Его дикая жажда власти!.. О, я-то хорошо помню, как он на коленях умолял открыть ему мой секрет, ещё тогда, три года назад, до того, как всё это началось... – она замолчала, откинувшись назад, и закрыла лицо ладонями. Теперь она уже не сдерживала слёз, и они, блестя и капая на платье, потоком текли сквозь пальцы.

Но вставить хоть слово зрителю своего монолога она не дала, продолжив опять тихо:

– Да, глупо так говорить, да и не к месту всё это теперь... Только я понимаю, что ему было нужно. Ведь деньги, золото – это только средство...

Власть – вот цель, к которой все стремятся. Но без него – без золота! – ничего этого не добиться... Нет золота – нет силы, нет почестей, престижа, безнаказанности – всего того, к чему так стремится этот... да, этот низкий человек. И вот, надо же было такому случиться, что он узнал о моём... Так я должна была стать ключом к его восхождению. К его богатству. Этот мерзкий человек готов был погубить – да и погубил! (она горько усмехнулась сквозь слёзы) – меня и близких, чтобы вырвать страшную тайну, это несчастье и проклятие всей моей жизни: вырвать пытками, угрозами, шантажом – способ не имеет для такого человека значения!..

Но он просчитался!

Сейчас, пожалуй, хватит. Её бессвязная гневная речь должна быть покороче. Да и пора снова переходить к смирению и покаянию:

– Да, он просчитался... Он не узнал ничего...

Через три дня меня не станет, и весь его чудовищный, жестокий план не принесёт ему *ни-че-го*. Ибо моя страшная тайна умрёт вместе со мной. – она задумчиво покачала головой, – Как жаль! Мой дар принёс мне не богатство и радость, а только слёзы, горе и унижения! Я всё время думаю об этом...

Всё же, наверное, это произошло потому, что я всегда в первую очередь думала о себе. Только о себе. Мало, вернее – совсем не помогала другим, тем, кто действительно в этом нуждался... – теперь она говорила медленно, раздумчиво, как бы сама с собой, – Нет, я никому не помогала, даже когда могла. Вот это мне и предстоит замаливать – то, что я, дурочка, имея возможность накормить столько голодных, и помочь столько нуждающимся, думала только о роскоши, удовольствиях, и копила всё только для себя... Как глупо...

Она замолчала, не смея показать партнёру, как нужна ей сейчас его реплика, его вопрос – для логического завершения монолога-фарса. Длинновато получилось. Но так и должно было быть – ведь она не подготавливала специально слов: они лились сами, её была только основная идея.

Гнев, раскаяние, недосказанная тайна – фальши допустить было нельзя. Теперь дело за ним. Как жаль, что он не знает своей роли. И суфлёра нет – сейчас брякнет с растерянности что-нибудь не то, и весь сценический эффект – насмарку!..

Он, однако, не подкачал:

– Ваша милость... Простите моё невежество, но никак не пойму, о чём вы речь ведёте? Какой дар, какая тайна? Ведь вы осуждены за заговор против короля!

– Ах, это... Да. Осуждена. – презрительный, но и скорбный смешок, – Осуждена, хотя и не виновна в этом! О, нет, не за *это* взойду я на эшафот.

А за то, что не пожелала помочь его высокопреосвященству наполнить золотом его кошину – его бездонные сундуки! И разрушила его честолюбивые помыслы!.. – а теперь как бы осознать неуместность гнева, – Впрочем, простите за этот выпад – он совершенно не уместен. Да и поздно уже *мне* кого-то обвинять... Нет, никто, кроме меня самой, не виноват...

Вновь повисшая тишина нарушалась только его громким дыханием. Он был захвачен – это чувствовалось по всем признакам. Ещё бы – речь зашла о Богатстве! Пусть пока – для кого-то другого, но... Но ведь можно хотя бы попытаться... Она чуюла – глубоко в его мозгу прагматик уже отдал приказ языку!

– Уж простите меня за неуместное... любопытство, ваша милость... Но как – как вы могли бы дать ему богатство?! Ведь ваша матушка... ваш род так беден! И не для кого не секрет – что вас выдали замуж... э-э... по расчёту?... – он уже начал. Пока – подготовка. Да и кто бы на его месте не начал?

– Да... – она свертяжело и надрывно вздохнула, – Прошу вас... Не будем об этом.

Все эти воспоминания и то, что я могла бы... сделать, но не сделала...

Мне стыдно и больно об этом говорить. Пусть уж моя тайна просто умрёт со мной. Никто больше не должен пострадать... Прошу вас! – она вдруг порывисто вскочила, схватив его обеими руками за руку, и очень крепко пожалала (вцепилась в неё, как клещами!), – Нет-нет – умоляю! Не спрашивайте! Не надо!

После ещё одной паузы, она выпустила, как бы поникнув в бессильи, его руку, и опустилась снова на свой лежак:

– Я... благодарна вам за помощь и... *это*... – она снова печально взглянула на распятие, которое всё ещё было у неё в руке, – Но лучше я буду просто... молиться. Вы же постарайтесь... Да, забыть обо мне, когда всё кончится!

Всё же в нём осталось что-то от обычного человеческого такта – предлагать ему оставить её одну не пришлось, достаточно оказалось чуть отступить назад.

Смена её непредсказуемого (ну так, женского же!) настроения удивила его, конечно, но тактичность пока возобладала над любопытством. Поколебавшись, он поклонился (чего, наверное, до этого не делал никогда!), и всё же выдавил из себя:

– Доброй ночи сударыня.

– Доброй ночи. – И, спустя точно рассчитанную паузу, и тише, – Храни вас Господь...

Он вышел, загремел ключами. Походку его она бы теперь определила, как задумчивую, если так можно сказать о походке.

Ну вот, теперь ему целую ночь предстоит... думать?

А ей – немного поработать.

5

К утру у неё всё было готово – даром что факелы горели почти всё время. Сменяли их примерно раз в час, наверное, в коридоре был-таки постоянный дежурный, и она слышала его шаги и побрякивание с постукиванием. Но к ней он не совался – вероятно, выполнял четко очерченные служебные инструкции. И это просто не входило в его обязанности.

На то, чтобы выточить полукруглую (по форме большого пальца) вмятину в распятии пониже ног резной фигурки Спасителя, ушёл примерно час.

Опилки она спустила в дыру, выступ камня, о который точила дерево, тщательно затёрла плесенью. Труднее оказалось отрыгнуть немного желудочного сока, чтоб он был достаточной концентрации, и обработать им основную впадину, и следы от остальных пальцев, что должны были оставаться при правильном хвате распятия.

Но она, в глубине души надеясь, что не кощунствует, справилась и с этим.

Теперь осталось только натереть эти места частицами глины, добытыми со дна кувшина, и ещё вправить в полученные отметины частицы с нагрудного крестика – благо, золото очень мягкий металл, и мельчайшие его следы на поверхности оставить довольно легко – особенно, если поточить о камень, и втереть ногтем, и тем же золотым крестиком.

Поспать ей удалось часа два. Пришлось встать пораньше, как оказалось, за пару часов до его очередного визита на завтрак, чтобы придать себе снова соответствующий вид. Не привыкшая, вероятно, к такому обращению кожа головы болела после тугого узла, оттягивающего копну её нечёсанных, но всё равно густых волос, на затылок.

Но отдохнуть больше нескольких часов этой коже она не дала – жизнь важнее.

Постукивание, побрякивание и шаги уже не вызвали сильного волнения. Вот и он – вошёл довольно спокойно, но по всем признакам она видела его напряжение, и бессонную, вероятнее всего, ночь. Начали они с обычных фраз:

– Сударыня, вот ваш завтрак.

– Спасибо, я не голодна... (как бы не так!)

– Ну... как? Пригодилось вашей милости... распятие?

– О, да! – благодарный взор вскинут и снова опущен, – Пригодилось... Но вам придётся простить меня – я... немного его... испортила.

– ?! – его взгляд так неподдельно передал всё его удивление, что реплики не требовалось, и она поспешила нарушить нависшую тишину:

– Надеюсь, вы сможете достать себе новое... Если, конечно, не решите, что вред от меня (она смущенно хмыкнула) небольшой. Вот, посмотрите – я... откусила отсюда. – она протянула ему результат своей многочасовой работы, надеясь, что в слабом освещении...

Посмотреть было на что. Там, куда должен бы был приходиться её большой палец, была почти правильной формы вмятина, семи-восьми миллиметров глубиной, и шириной с сам палец.

А в местах касания остальными пальцами проступали заметные светлые следы – словно из пальцев выходило что-то, обесцветившее дерево креста.

Он поднёс распятие к свету – и задохнулся. В главной впадине, от большого пальца, явно видны были следы... золота. И вокруг ореолом расходился светлый круг...

Незаметно боковым зрением она следила, даже не поворачиваясь, словно ей стыдно за содеянное. Его же, спустя некоторое (довольно, впрочем, продолжительное) время про-рвало-таки:

– Ваша милость... позвольте... Ущерб, конечно не велик. Я не в претензии... Но вот вы сказали – выгрызли зубами... Я не понимаю – зачем?!

Брехня. И наглая. Уже давно ты всё понял. Хочешь только услышать это от неё...

Что ж. Услышишь. Но – не сразу, конечно. Ведь она, типа, не желает ему зла.

– Зачем? Ну, скорее, не зачем, а почему – у меня слабые пальцы, и я не могла ими... (а вот это очередная ложь – уже с её стороны: пальцы у этого тела – будь здоров!).

Она замолчала, прикусив язык, словно против воли сболтнула лишнего.

Он тоже недаром всю ночь думал, и мог легко докончить за неё, но продолжал свою линию – хотел «подтверждения из первоисточника»:

– Простите меня, пожалуйста, ваша милость, но я всё же христианин! (ага, уже аргумент!) и хотел бы знать, не были ли здесь... какие-нибудь... колдовские...

– Ах, бросьте! Ничего такого здесь не было. Если вас это устроит, отнесите *его* в собор, и пусть служитель веры снова освятит его... Хотя ничего злого я не делала!

Нет, от него так просто не отвертеться, его натура давно почуяла... наживу!:

– Но всё же, ваша милость... Здесь и следов зубов-то... Что же вы отсюда?..

Нет, она покобенилась ещё немного. Но – не слишком долго. Через две-три минуты он-таки услышал. С «недостойным» раздражением она выдавила:

– Надеюсь, *золото* не противоречит основам христианской морали? Ведь из него делают и утварь, и чаши для богослужения... И нательные кресты... Ну так я просто убрала его оттуда!

– Как – убрали?! И где же оно?!

– Как – где? – недоуменный тон, она небрежным жестом узкой ладони указала, – В яме, конечно! – словно это разумелось само собой.

Ну, для неё, может, и разумелось, но вот для него...

– В яме... – казалось, столь непочтительное обращение с царём металлов повергло его в ступор. Во всяком случае, затянувшееся молчание дало ей понять, что недоверия её слова не вызвали (ура!), – Э-э... То есть, вы хотите сказать... что то, что вы отсюда... выгрызли...

И... выбросили – в эту яму?!

– Ну да! – она передёрнула плечами, словно раздражённая его недопониманием.

– А... Почему?!

Вздых разочарованной дурочки, самой собой загнанной в угол, дался ей легко:

– Потому, что от него-то и все мои беды... От золота. – и, с надрывом! – Ах... нельзя мне этого говорить, – словно спохватилась она, отворачиваясь и передёргивая плечами, словно от сквозняка.

– От... золота? Но... откуда же вы его... И как оно оказалось здесь, внутри *моего* распятия?! Ведь его же... – было вполне ясно, что ведь не отстанет.

– Ладно! Грех этот останется на мне! Я по недосмотру слишком долго касалась... *вашего* распятия, и слишком горячо молилась... Это от моих пальцев так получилось. – ну вот, главная фраза шоу произнесена, декорации в виде отпечатков расставлены, – Ещё раз – простите!

Он надолго заткнулся, словно только теперь понял.

Дудки. Ты, милейший, «понял» ещё десять минут назад, и мимика твоего достаточно освещённого лица, сказала ей всё... А сейчас ты ищешь способ, как бы потактичней сказать ей, как выведать...

На его очередную (честно говоря, не очень-то и робкую) попытку, она как-то устало и буднично сказала:

– Ну что вы ещё хотите услышать? Да, я владею этим проклятьем. Этим... легендарным даром. И вот – это погубило и моих близких и меня... Это Прикосновение Мидаса.

Воцарившуюся за этим тишину можно было бы назвать мёртвой, если бы дежурный по коридору не решил заменить давно трещавший и меркнувший факел.

Пока происходила замена, никто не сказал ни слова, но напряжение росло.

– Неужели... (вот дьявол, он всё же сомневается?!) Вы... И вправду отказались рассказать об этом его высокопреосвященству? (ага, к счастью, это – *другое* сомнение!)

Её ироничный смех прозвучал довольно фальшиво... Ну, словом, так, как и был задуман:

– Может, я и плохая женщина, интриганка, и легкомысленная... Но вот в вопросах золота и церкви... Разве *это* – не запрещенное золото?! Ведь мы должны «в поте лица зарабатывать себе пропитание», как сказал Господь. А тут – вот, стоит мне только...

Ведь подчас я и сама себя спрашиваю – может, и вправду – я – ведьма?

Всегда... по-настоящему я действительно... боялась. Пользоваться этим.

Я думала так: кто дал мне право *судить*? Или: дать одним, а другим – не дать?... Кто нуждается больше? Кто и правда – не может, а кто – просто *не хочет* заработать?... «В поте лица»? Кто из нищих и неимущих – действительно такой, а кто – просто недостойно притворяется, пытаясь сыграть на жалости?! И христианском сочувствии.

Кто я такая, чтобы решать такие вещи?..

Церкви я, может быть, и раскрыла бы этот дар, даже боясь быть обвинённой в связи с нечистым... Но *он* – не Церковь! *Ему* – ни за что! – гневные нотки прорвались точно дозированным финальным аккордом.

Нужно отдать ему справедливость – он не сразу, и не на коленях стал просить её объяснить (Ха-ха, как же – объяснить!) как это у неё получается.

И совершенно ни к чему её отказы и увёртки не привели: плевать ему было на её «высокие идеалы» и морализаторство о «Душе» и т. п. Но виду он, конечно, не подавал. Молодец. Человек дела.

– Я могу превращать в золото почти всё... – призналась она наконец, с совсем уж траурным видом, – но на разные... материалы... требуются разные усилия. Вот, например, с вашим распятием вышло недоразумение – я просто истово молилась, и даже не заметила, что слишком... ну, увлеклась, что ли.

Хотела вымолить прощение. Увлеклась, да... Но успела всё же остановиться. Если бы распятие было из металла – ну, там, – медь, или серебро...

Оно бы превратилось в золото очень быстро.

Но тогда бы я просто выбросила вниз его всё, и вы бы ничего не узнали... А так – я же хотела сохранить его вам: не вернуть было бы... непорядочно.

О-хо-хо. Есть ему дело до её порядочности. Даже два раза.

– Но как же, всё-таки, у вашей милости это получается? У вас это врождённое, или вы... Или этому можно научиться?..

– Ах, в том-то и дело. Точно я не помню... Врождённое – вряд ли. Тогда мои родители сказали бы мне об этом. Я, хотите верьте, хотите – нет, сама толком не пойму, как у меня открылся... или оказался... этот дар. В детстве, говорят, я на неделю пропала из нашего родового замка...

Я сама ничего не помню, но кормилица рассказывала, что меня, вроде как похищали цыгане... Правда, никто этих цыган так и не видал... И что меня нашли в деревушке в десяти лье от замка, и я тогда ничего не могла рассказать... Мне было около четырёх.

А первый раз я превратила серебряную монету в золотую случайно, когда очень захотела что-то купить на ярмарке... Это мне было уже где-то семь... Мама тогда сказала, чтобы я больше никогда... – опять самоирония, – Но *разве* можно удержаться, и не попробовать...

Помолчав, и покачав головой, она закончила:

– Конечно, с годами *это* делать всё легче – словно учишься... Читать... Или ездить верхом.

Он молчал, но его молчание было красноречивей любых слов, а чуть приподнятые руки как бы тянулись к ней в немой мольбе. Словно почуяв его обращение, она вскинула к нему голову и гневно произнесла:

– Нет! Даже и не думайте, сумасшедший вы человек! Нельзя, грешно смотреть на... *такое!* Неужели вы не поняли – в *этом* источник всех моих бед! Я не могу, и не хочу никого втравливать в это... это колдовство! – она сделала упор на этом слове, словно пытаясь хоть этим «испугать» его!

«Испугается» он, как же...

– Но... сударыня. Если... (Он старался быть тактичной, и замаскировать свои меркантильные устремления. И даже слово «колдовство» сразу «правильно» воспринял лишь как её попытку испугать и отвести его!), – Если такой дар пропадёт, исчезнет вместе с вами, то сколько возможностей, сколько добрых дел и пользы для... неимущих пропадёт навсегда! Сколько бедняков, обездоленных судьбой, могли бы прокормиться – ну, хоть, до созревания урожая – если вдруг выдаться недород, или...

Или сколько больных могло бы купить лекарства... или сколько милостыни можно было бы подать тем, кто уже не в силах работать сам, ведь эти деньги... Можно было бы употребить и во благо!

Вероятно, он продумывал эти и другие аргументы всю ночь, хотя оригинальностью они и не блистали, и могли прийти на ум любому.

– А что – вы думаете, всё это не приходило в голову и мне?! Ещё до того, как я оказалась... здесь?

Да, я несколько раз пыталась. Пыталась помочь страждущим и нуждающимся... А как вы думаете, откуда *он* узнал о моём даре? – её горечь была неподдельна, она и в самом деле её ощутила, – Нет, шила в мешке не утаишь! И не надо меня уговаривать! (Впрочем, в подтексте обычно такие реплики как раз и означают – ах, уговаривайте, уговаривайте меня!.. Мне так стыдно, так жалко уносить такой секрет с собой! Будьте настойчивей, и, помучившись, я не смогу его удерживать там, в глубине...)

Конечно, он не сдался, но и она ещё держалась.

Побившись ещё минут двадцать, он оставил её, плачущую, и, словно в истерике трясущую головой, и всё ещё отказывающую, одну.

Ничего, явственно читалось на его туповато-упёртом лице, скажешь, голубка, я очень терпелив, у нас ещё обед, ужин, и два дня...

6

Два дня не потребовались. После обеда, «вняв» его аргументам и мольбам хотя бы «показать», она взяла с него торжественную клятву (на его же распятии) никому и никогда... Даже детям своим! (попутно она таким образом выяснила, что их пока нет).

То, что у него нет жены, или ещё кого-то, её устраивало лучше всего. Значит, никто от него не зависит, и не пострадает, если она его... Хм. Скомпрометирует.

А вот того, что он такой настойчивый, она стала потихоньку опасаться – как бы он, выведав то, что его сейчас интересовало больше жизни, не поспособствовал её...

Назовём это – преждевременной кончиной.

Рожа у него уж слишком хитрая.

Однако тут она могла быть спокойна – конец шоу будет не совсем таким, как он, вероятно, своим подленько-практичным умишком рассчитывает. Ведь вначале – он должен увидеть. Понять. Научиться. Закрепить навыки...

Когда часа через два после обеда он опять пришёл, она «в последний раз» попыталась его уговорить и образумить... Но ни имя Господа, ни обращение к Богородице не вразумили его.

Что ж, она «сняла» грех со своей совести, выбор был за ним – она так и сказала.

Радовало только то, что все слова и движения давались ей теперь легко и просто, словно они смогли наконец, слиться в гармонии – она и это... новое тело. Словно договорились – победить общего врага!

О серьёзности же его намерений можно было судить и по факелу – то он довольствовался светом из коридора, не закрывая её дверь. Возможно, что расстояние до дежурного было большим, и он не боялся быть услышанным.

Теперь же он принёс факел с собой, укрепил его в держаке у двери, внутри камеры, а входную дверь притворил – тихо и плотно. Правильно: свидетели ни к чему...

И ей это только на руку.

– Вы принесли, то, что я просила? – она, хоть и несколько отрешённо, но перешла к деловому тону. Раз у него нет сомнений, то и она готова показать. Она предупреждала, но он не внял – следовательно, ответственность за его судьбу и жизнь лежит на нём самом!

– Да, сударыня! – плохо сдерживаемая дрожь в голосе. Он явно боится – ну, как же! Почти колдовство. Да ещё и неизвестные последствия... в будущем.

Впрочем, будущего-то он точно не боится. Он уже всё решил – и про неё, и про себя. Если сейчас не «нейтрализовать» его, без опасения за свою жизнь кушать будет нельзя.

– Покажи. – она протянула белую точёную руку, двигая ею мягко, медленно.

Монету он протягивал на вытянутой руке, глаза горели сдерживаемым лихорадочным блеском, словно у золотоискателя, заглядывающего в чужой промывной лоток. Но он ещё контролировал себя – об этом говорило ритмичное и ровное дыхание.

С видом скорбящей о неразумном дитяте матери, она взяла её кончиками пальцев, аккуратно. Посмотрела. Поводила около лба (пусть удивится), и... Вернула обратно.

Напряжённая пауза.

– Да, подойдёт. Серебро соглашается меняться легче и быстрее всего остального... Только протри её немного. Нужно убрать с поверхности грязь и следы пальцев людей.

Ого, с каким остервенением он принялся тереть её! Лишь бы дыру не протёр. Дышал он теперь прерывисто, с каким-то присвистом. Ну, достаточно – она блестит.

– Довольно. Давай. – она сама протёрла монету ещё раз подолом своего когда-то шикарного, а сейчас, в свете близкого факела, непрезентабельно-обтрепанного по подолу платья. Однако бархат – он бархат и есть: монета сияла – лучше некуда.

Придерживая её через материю, она поставила судьбоносный металлический кружок на лежак, прислонив к каменной стене. Чуть повернула. Отошла. Вздохнула.

– Я должна делать всё так, как положено. Чтобы мне было легче, я должна попросить у неё прощения, и настроиться... на её душу. – она опустила на колени в двух шагах от монеты, поерзала на неровных камнях. Ещё раз вздохнула. – Видишь? Вначале – *издали*...

– А... мне что делать? – несколько растерянно спросил он, переводя взгляд с неё на монету, и переминаясь с ноги на ногу.

– Ах, не важно. Ну хочешь, стань рядом, – она равнодушно указала на пол рядом с собой, приглашая его опуститься на колени в шаге от лежака, – Я хочу, чтоб ты понял – у всего на свете есть своя... ну, душа, что ли... И прося её, – кивок в сторону монеты, – измениться, я должна прежде всего понять и попросить прощения у её... души.

Похоже, эта мысль оказалась слишком сложна для его отягчённого жаждой обогащения ума, но он, сопя и покряхтывая, опустился на колени рядом с ней.

Её расчёт оказался верным – блеск от монеты отражался почти точно ему в лицо.

Факел горел пока ровно, и можно было начинать. Декорации расставлены, актёры на сцене. Давай, Ирина, ход за тобой.

– Посмотри, – медленно и раздумчиво начала она, – Вот эта монета. Она тоже живая, живёт своей жизнью. Если ты постарайся думать о ней, как о живом существе, и понять её, она ответит тебе взаимностью. Поможет. Сама пойдёт навстречу. Посмотри!

Тон не должен быть слишком напористым. Динамика нарастает постепенно. Давить и наседать сразу нельзя, и действовать словом нужно мягко. И хорошо, что она избавилась от хрипоты, и голос льётся, словно медовый...

– Она желанная... Она красивая и блестящая. Думай о ней, старайся быть к ней ближе.

Пойми её. Смотри. Смотри на неё внимательней. Смотри. Сконцентрируйся на ней, только на ней! Это – богатство. Это – успех. Это – радостное и светлое будущее!

Пойми её! Смотри! Смотри внимательней! Всеми мыслями – приблизься к ней! – её нежный и мягкий голос постепенно крепчал, по мере того, как она замечала нужные ей признаки, но не останавливалась и не форсировала, – Смотри только на неё!

Какая она красивая! Тёплая. Чувствуешь, как от нее идет тепло – прямо к тебе? Тебе тоже становится тепло. Тебе тепло и спокойно. Внимательно смотри на неё. Ты ощущаешь тепло, покой и счастье. – её мягкому, но уверенному и напористому голосу противиться просто невозможно, – Ты расслабляешься. Тебе тепло. Ты полностью спокоен и расслаблен!

Ты спокоен и тебе тепло. Ты полностью расслаблен.

Пожалуй, всё, иначе можно упустить момент его расслабления:

– ТЫ РАССЛАБЛЕН! ВСЕ МЫШЦЫ МЯГКИЕ И РАССЛАБЛЕННЫЕ!

ТЫ СПИШЬ!!!

ТЫ КРЕПКО СПИШЬ! Спать! СПАТЬ! Ты не проснёшься, пока я тебе не прикажу!

Бережно придерживая обмякшее тело, она попыталась было взгромоздить его на лежак. Не тут-то было. Пришлось опустить его тут же, на вонючем полу. Да, тяжело. Килограмм девяносто...

Ладно, будем надеяться, не простудится.

7

Он лежал тихо. Дыхание ровное и спокойное. Тело и правда, так расслаблено, словно в нём и суставов-то нет. Спит, словно ребёнок. «Невинный» такой ребёнок.

Вот она и сделала это. Сделала!

Хотя раньше она никогда не пробовала загипнотизировать человека. Ну, тут он сам ей подыграл – муха сама сплела свою паутину...

Впрочем, разве она его не предупреждала? Предупреждала: нельзя *так* любить золото...

Нет, она всё же постарается сохранить ему жизнь... и свободу. Но, разумеется, без ущерба для себя. Пусть всё идёт по плану.

Конечно, ей очень повезло. Если бы не совершенное владение языком, голосом и телом, наверное, этот путь освобождения был бы ей заказан.

Ничего, что-нибудь другое нашлось бы – кто хочет, найдёт тысячу способов (а кто не хочет – тысячу причин!).

Как, однако, его высокопреосвященство смог предвидеть, что бояться надо именно её языка? Ничего, даст Бог, она и с ним встретится. И... разберётся.

Ладно, времени в обрез, займёмся делом.

Распустив, наконец, тугой узел волос на затылке, стянутый тряпицей, оторванной от подола, она с большим облегчением потрясла головой. Ф-ф-у-у...

Этот имидж своё дело сделал. Какое наслаждение!

Помассировав затёкшую кожу, она яростно почесалась, шипя сквозь зубы.

Проклятые вши! Как они мешали ей сосредоточиться! Ну, ничего – придёт, даст Бог, время, она избавится и от них. Не может же не быть в любую эпоху какого-то народного средства, типа керосина (впрочем, нет – керосина тут явно нету!)... Ну, или отвара – типа крапивы...

Пусть даже обезьянка на шею – знатная дама может себе позволить и не такое...

Так, стоп. Куда это её понесло. Рано ещё расслабляться и радоваться. Всему своё время.

Ведь не выполнена пока главная задача – освобождение. Вот и займёмся.

Узнать предстоит очень многое, а время поджимает. Продолжим работу.

– Ты крепко спишь! – уверенный и наполненный внутренней силой голос, – Ты слушаешься только меня! Что бы не случилось, ты не можешь проснуться без моего приказа! – он лежал на спине, такой умиротворенный и спокойный, что даже не верилось, что это именно он недавно был таким злобным, циничным и презрительным.

Подозрительный до крайности, и ещё дополнительно предупреждённый и проинструктированный, как же он стал её жертвой? Её будущим послушным орудием? Сможет ли она так манипулировать другими? Или...

За дело: с другими разберёмся, когда дойдёт их черёд.

– А сейчас, не переставая спать, ты честно и подробно, ничего не утаивая, ответишь на мои вопросы. Ты понял, что ты сейчас сделаешь? Отвечай!

– Да, я понял. Я отвечу на все ваши вопросы, – голос тихий, и... безжизненный, – сударыня. Я ничего не скрою и отвечу честно и подробно.

– Кто я? Как меня зовут?

– Вы, ваша милость, графиня Катарина Изабелла де Пуассон, в девичестве графиня де Буа-Трасси. По смерти мужа вы единственная хозяйка и наследница угодий и замка Шато Пуассон в Шампани.

Вот как. Значит, пока она – землевладелица. А после смерти? Кто был бы её наследником? Ладно, не горит.

– Какой сейчас год?

– Одна тысяча триста третий от Рождества Христова, ваша милость.

– Не называй меня больше «ваша милость», просто отвечай на вопросы. Сколько мне лет?

– Тридцать один.

– В какой стране мы находимся?

– Во Франции. – если бы он был не в своём теперешнем состоянии, её вопросы могли бы его просто шокировать, а затем и навести на разные интересные, и крайне для неё нежелательные мысли. Позже нужно будет разузнать про эту эпоху с её спецификой, побольше. Ведь те, с кем ей предстоит встретиться снаружи, не будут загипнотизированы...

Не хотелось бы перед ними выглядеть полной дурой!

Например, янки (который при дворе короля Артура), попав в аналогичную ситуацию, помнил хоть одну важную вещь – позволившую ему и выжить, и занять подобающее положение: затмение.

Пусть это останется на совести Марка Твена. (Как и то, что слэнг америкосов понимали чуть ли не дикари из пятого века, с их еще норманнским произношением, и британским словарем...)

А вот она, если говорить честно, про четырнадцатый век не помнит ничего! Да тем более, про четырнадцатый век Франции.

С другой стороны, сейчас расспрашивать его слишком подробно некогда: забеспокоятся подчинённые сердитого начальника – почему это он зачастил к своей пленнице, и проводит с ней так много времени?..

Солдаты тоже не совсем дураки – могут возникнуть (если уже не возникли) подозрения, что она подкупила, заколдовала, или ещё что-нибудь сделала с ним (ну как же, ведь она *почти* ведьма...). В принципе, на солдат-то наплевать. Но ведь их наверняка будут допрашивать, когда они с... как его зовут? – скроются в неизвестном направлении. Чем меньше будет компромата, тем лучше.

– Как тебя зовут?

– Николя Пулен.

Поторопимся с наиболее важным, остальное – позже.

– Кто правит страной, и кто приказал судить меня и заточить сюда?

– Правит король Филипп четвёртый, прозываемый так же Красивым, это он и велел судить вас. Вердикт о заточении и казни вынес малый королевский Совет.

Это имя ей ничего не говорит. Надо же, как неудачно – никаких ориентиров. Но – ясно, что это феодальная монархия, чистое средневековье. Нужно было всё-таки учить историю в школе: как и что здесь устроено: быт, нравы, традиции... А так – ничего.

– Как фа... э... К какой династии принадлежит этот король, сколько лет они правят?

– К династии Капетингов. Они правят Францией уже лет триста, точнее не знаю.

Вот тебе и здрасьте. А где же Бурбоны? Ну да и Бог с ними. Оставим поиск знакомых мест и фамилий на потом, тем более, что и этот, незнакомый король, похоже, её не любит.

Значит, быстрее надо хотя бы вырваться на свободу, а там – и из Франции...

– Кто ты по должности, и где мы находимся?

– Я – комендант замка Понтуаз, в нём мы и находимся.

– Есть ли здесь, в замке, начальство выше тебя по должности?

– Нет, сейчас нет.

– Сколько солдат у тебя в подчинении? Где все они сейчас размещаются?

– Сто двенадцать человек. В основных казармах замка сейчас находятся около девяноста человек из состава особой караульной роты. Солдат – восемьдесят четыре, шесть сержантов. Остальные двадцать два сейчас на дежурстве: несут караул по своим постам. На стенах, в казематах и кордегардии у главных ворот. На кухне – ещё около пяти, отбывающих наряды.

– Подробней расскажи, где посты часовых, и сколько там человек.

– Десять, по двое, размещаются в башенках на главной стене. Четверо, с сержантом во главе, в караульной у главных ворот, ещё двое – здесь, в подземельях, остальные шестеро во внутренних помещениях замка, по одному. Посты проверяет раз в час мой заместитель, раз за дежурство – я сам. Иногда посылаю для этого сержантов.

– Сюда, в подземелье, твой заместитель тоже спускается?

– Нет, сюда он не заходит, эти посты теперь проверяю я сам.

– Много ли здесь сейчас ещё узников? Они... Мужчины?

– Кроме вас ещё четверо, все они мужчины, и содержатся тут уже более пяти лет.

– Как охраняется этот этаж, и выход из него?

– Наружный выход из казематов во двор охраняет один часовой. Его пост снаружи, во дворе, у него ключи от внешней двери. Ещё один рядовой охраняет вход в коридор второго подземного этажа. У него ключ от двери коридора. Они впускают меня, или того, кто разносит еду и воду.

– А что с... первым подземным этажом?

– Там сейчас нет узников, и поста тоже нет. Решётку между этажами тоже отпирает солдат, который сейчас здесь, на втором этаже.

Нельзя сказать, что она сильно оскорблена пренебрежением, которое к ней здесь выказывают – всего два стражника, и пара-тройка дверей и решёток. Хм. Вероятнее всего, двери и решётки достаточно надёжны. Да и на постороннюю помощь снаружи ей, похоже, рассчитывать не приходится. А ведь есть ещё и четверо у главных ворот – они-то уж точно молчать в случае чего, не будут.

И убивать никого нельзя – стыдно, грешно, и... рискованно. Шуму много.

Нет, убивать она без самой крайней нужды никого не будет... Поэтому придётся ещё подумать, и лобовой прорыв, как не хочется, заменить на что-то более техничное и эффективное.

Значит, нужно время, чтобы всё обдумать не спеша. Но – не слишком не спеша.

– Когда сменяются часовые на постах?

– Каждые шесть часов. Всего – четыре смены за сутки.

– Когда была последняя смена? И сколько сейчас времени?

– Около пяти часов назад. Сейчас – пять часов вечера.

– Когда у меня... ужин?

– В восемь вечера.

Так. Значит, смена караула будет в шесть, а затем в двенадцать. Бежать, конечно, предпочтительней ночью. Только вот куда. И в какой одежде.

– Какое сегодня число? И какого месяца?

– Десятое. Месяц – август.

Прекрасно, на дворе лето. Значит, тепло. Но плащ не помешает – прикрыться.

– Какие родственники остались у меня на свободе, и где они сейчас?

– Ваша мать, графиня де Буа-Трасси, имя точно не помню... Анриетта, или Генриетта.

И ваша золовка, графиня Вероника де Пуассон. Обе сейчас в Париже, в вашем доме.

– Где именно в Париже, знаешь ли точный адрес?

– Да, я был там однажды. Это на улице Сен-Клод.

Для начала просто отлично. Есть место, где можно переодеться и достать средства для дальнейшего бегства (интересно, в каких она отношениях с матерью?!). В том, что ей придётся исчезнуть, и, вероятно, надолго, из страны, она почему-то не сомневалась.

Ориентировочно – планируем на глубокую ночь, чтоб весь гарнизон, кроме дежурных, спал. И – прямо в Париж. А кстати, где он, этот Париж?

– Какое расстояние от Понтуаза до Парижа?

– Около восьми лье.

Значит, примерно тридцать километров. То есть, понадобится лошадь – пешком пройти такое расстояние, да ещё очень быстро, нереально. Наверное, если галопом, часа за два – три доскакать можно. Ничего, её прелестная задница должна это выдержать.

– Есть ли в замке конюшня и лошади?

– Да, в конюшнях Понтуаза сорок лошадей.

Отлично. Если выехать примерно в полчетвёртого утра, к семи можно доехать до ворот Парижа. И будет как раз уже светло. В город в это время наверняка везут разные фрукты-овощи, для базаров, значит, ворота должны быть открыты, и в толпе на них с Пуленом никто особого внимания не обратит. Пулен же ей нужен обязательно: без него она в буквальном смысле не найдёт отчий дом. Дом... Ладно, об этом – после.

Черновой план побега практически уже сформировался в её голове.

Теперь нужно избежать излишних подозрений со стороны заместителя коменданта, и тех сержантов, что поумней. Им не нужно видеть, что начальник зачистил, и подолгу находится у приговорённой красавицы... Как-то он уж слишком «бдительно» её охраняет!

– Сейчас ты откроешь глаза, не переставая спать. Но ты будешь все видеть и слышать. Открывай глаза! – он так и сделал. Взгляд довольно неприятный, без выражения – как у рыбы. Хм. Нет, лучше не пробовать, с этим вряд ли что-нибудь удастся сделать, не выводя его... А она пока не собирается – слишком рискованно.

– Теперь ты встанешь на ноги, – он достаточно уверенно встал, – улыбнись. Нет, больше не улыбайся! (О, Господи!).

Главное теперь – правильно его запрограммировать. Вперёд. Уверенней.

– Ты будешь вести себя так, как всегда. Сейчас ты пойдёшь, и будешь выполнять те дела и обязанности, которые ты, как комендант, выполняешь и делаешь всегда. В положенное время проследишь за сменой караула, проверишь посты и тому подобное.

Двигайся и разговаривай так, как ты делаешь это всегда. На ужин принесёшь мне еду и воду, как всегда. После того, как закончишь все дела на сегодня, пойдёшь в свою комнату, и будешь сидеть и ждать там до половины первого ночи.

В половине первого придёшь сюда, ко мне. Об этом ты не скажешь никому. О том, что произошло здесь, ты не скажешь никому, кто бы тебя не расспрашивал. Если будут вопросы о том, почему ты так часто стал ходить ко мне, говори, что я больна, что-то с животом. Ты понял? Отвечай.

– Да, я всё понял. Я буду вести себя как всегда. Я буду выполнять свои обычные обязанности коменданта. Я не буду говорить о том... – он в точности воспроизвёл её приказы и указания. Жаль только, что голос у него такой безжизненный и тихий.

– Всё верно. Молодец. Разговаривай с подчинёнными громче и жёстче. Иди. Не забудь сейчас запереть мою дверь.

Он вышел. Ну вот, программа запущена. Правильно ли она всё сделала? К ужину она это узнает. А пока – будем волноваться. Но – в меру. И думать. Много.

Смена караульного прошла благополучно – она, стоя у двери, чутко прислушивалась, но ничего особенного не услышала. Голоса, вроде, обычные, было слышно. Но слов – не разобрать.

Сидя на лежанке, она напряжённо размышляла. Обдумывала детали, прикидывала варианты. Рабочий черновой план есть, но кое-какие детали придётся уточнить после более подробного расспроса Пулена – а с этим придётся подождать.

Конечно, это время – пока он не под её присмотром – самое слабое звено в её плане.

Мало ли что может случиться: вдруг приедет кто из начальства, или пришлют какой-нибудь приказ, или ещё что непредвиденное... Остаётся только надеяться на правильность данных установок и верить в методику гипноза.

Семь веков. Если вдуматься – это жутко. И так позорно – она, вроде, образованная, а действительно ничего об этом времени не знает. Ничего, вот выйдет – узнает.

Даже поза лотоса и усиленный аутотренинг не совсем помогли – доля беспокойства всё же оставалась: люди не компьютеры, да и всех случайностей не предусмотреть...

Поэтому когда он загремел ключом в двери, это прозвучало, как райская музыка. Вид его, к счастью, не изменился: развязная походка начальника, пузо впереди, преувеличено грузные шаги.

Вот только глаза...

Взяв миску с очередной порцией каши (она оказалась из пшеницы, то есть – полба), она с мягким нажимом приказала:

– Выполняй все мои приказы. В половине первого будь здесь. А сейчас – иди.

Он вышел, не задерживаясь, и не сказав ни слова.

Пища была нужна ей. Однако жизнь – нужнее. Поэтому к еде она не притронулась.

И как бы ей не хотелось продолжить расспросы, с этим лучше подождать до ночи. А сейчас все его подчинённые увидят – он не задержался. Значит, всё как обычно.

Она прилегла на прелую солому и приказала себе уснуть.

Как бы не так!

Целый час она ворочалась, то выравнивая под собой комки соломы, то проклиная вшей, которых, конечно, не было видно в темноте, но не считаться с которыми оказалось абсолютно невозможно. Затем она плюнула на это дело, и стала усиленно думать.

Когда он явился, как и было приказано, в полпервого, она успела обдумать почти всё. Можно действовать. Однако пока есть время, и эта смена часовых удивлена его ночным визитом не слишком сильно, нужно порасспросить его о главном – кто знает, будет ли у неё в будущем такая удобная возможность...

Она приказала ему сесть на лежак рядом с собой. Он не изменился. Ни дать, ни взять – живой робот. После всего этого нужно обязательно освободить его. Но – так, чтобы он не рассказал ничего ни о помощи ей, ни о её вопросах... Кстати, о вопросах.

– За что меня приговорили к смерти?

– За заговор против короля и покушение на его жизнь.

– Расскажи всё, что знаешь об этом заговоре.

– Вы наняли четверых английских лучников, чтобы они застрелили Его Величество из засады, когда он должен был возвращаться с охоты в свою летнюю резиденцию Мобюиссон. Вы заплатили...

Её разоблачили, покушение не состоялось. Его Величество жив. – вот основное, что она уловила из его пространного и весьма бестолкового и бессвязного рассказа...

– Лучники. Хм. И как же эти храбрые, – или очень глупые, подумала она про себя, – лучники собирались остаться в живых после... того, как всё сделали бы?..

– Для них были подготовлены подставы из свежих лошадей по пути их бегства, вплоть до самого побережья, а там ждал наёмный корабль. Свита и охрана короля не смогли бы их

преследовать – их кони были бы утомлены после охоты. Часть денег лучники получили вперёд, остальную – должны были получить по прибытию в Англию, где их уже ждали бы вы.

– И где же сейчас эти лучники? – ответ она знала.

– Никого не поймали...

– Откуда же узнали о них и всем остальном?!

– Задержан и допрошен под пыткой посредник, через которого вы нанимали англичан, и капитана корабля. Это некий Аарон Ван Димен, фламандский ростовщик. Его показания и послужили основной уликой на суде... Кроме того имелось и ваше собственное признание со всеми подробностями вашего плана.

– Что?! Я сама призналась во всём этом?!

– Да, сами. Под угрозой пытки испанским сапогом и водой, которые Его Высокопреосвященство приказал показать вам на двух других женщинах, ведьмах-простолюдниках.

После этого вы долго плакали, но рассказали всё. Подробно.

Вот это мило. Похоже, она действительно организовала покушение. Но почему?.. Что плохого ей сделал этот... Филипп четвёртый?

– Что было на суде? Я призналась во всём и там?

– Нет, на суде вы кричали, что вас запугали, и вынудили принять на себя то, чего вы не делали. Что вы ни в чём не виноваты. Ещё вы обвиняли судей, что они обещали вас помиловать, если вы признаетесь во всём, а они приговорили вас к смерти.

– А что же говорил этот... посредник? И как он... выглядел на суде?

– Он держался уверенно, подтвердил все свои показания. Его, как сотрудничавшего с Судом, приговорили к десяти годам.

– И где же он сейчас? Тоже сидит здесь? – она забыла, что он не в состоянии сейчас оценить её иронию.

– Нет, простолюдины в этом замке не сидят. Ван Димен скончался в тюрьме Парижа, три дня назад, от желудочных колик.

Надо же, как удобно. Единственный и главный свидетель, с показаниями которого что-то явно нечисто, внезапно скончался, дав показания против неё. И скончался после суда.

Похоже, весь этот фарс – и правда: чистая подстава. А через три дня и её бы не стало.

Какая же тайна связана с её жизнью? Чем она так опасна?

– Кто такой – его высокопреосвященство?

– Его высокопреосвященство – мессир хранитель королевской печати, архиепископ Нарбоннский.

– И как он связан со мной?

– Ваш покойный муж был его приближённым. Как он говорил, правой рукой.

– Расскажи мне подробней о моём... муже. И как он стал... правой рукой. Как... умер.

– Ваш покойный муж, Антуан Винсент де Пуассон, был тридцати четырёх лет, когда он скончался от несчастного случая, полтора года назад, во дворце его высокопреосвященства.

Вы с ним были женаты четырнадцать лет. Детей у вас нет. Впрочем, люди говорят, что бесплодны только вы, а у вашего мужа есть внебрачная дочь от крестьянки, пяти лет. Она и сейчас в его бывшем имении, возле шато Пуассон. Вы с вашим мужем все эти годы жили в самом замке, пока три года назад его высокопреосвященство не посетил вас.

После этого он включил вашего мужа в свою свиту, и вы с ним переехали в Париж. Его высокопреосвященство подарил вам дом, и осыпал подарками и своими милостями. Он часто бывал у вас дома, и со свитой, и без неё. После его смерти вы переехали в Пуассон, а затем вас обвинили в заговоре, арестовали и судили.

Господи, неужели всё так банально? Знатный вельможа возжелал жену своего вассала, щедро одарил его, приблизил к себе, а жена не захотела отдаться? Или отдалась, и уже надоела? Или... Какая разница – она знает, кому будет мстить.

– Живы ли родители моего мужа?

– Нет, его мать умерла восемь лет назад, а отец, граф Рене де Пуассон, ещё через два года, то есть шесть лет назад.

– И, стало быть, теперь все его земли и собственность – мои?

– Нет. Собственность государственных преступников отходит в пользу государства. И теперь её хозяин – король.

Значит, у неё нет ни денег, ни крыши над головой. Получается, вся надежда – на мать. Тем более интересно: в каких они отношениях?

Но спросила она о другом:

– Почему его высокопреосвященство решил приблизить к себе моего мужа?

– Я не знаю. Но ходят слухи, что это вы его уговорили. Кроме того, люди говорят ещё, что его высокопреосвященство – настоящий отец вашего мужа. Он был знаком с его матерью очень близко ещё до её замужества.

Ох и повезло ей – прямо средневековый латино-американский сериал. Все друг другу изменяют, этот – не от мужа, а эта – не от жены... Интриги, яды, ложь – словом, весело. Все развлекаются, как могут. Наверное, нет войны – иначе хоть мужчины были бы при деле.

Ладно. Оставим пока всё это без комментариев. Во всяком случае, пока не найден более компетентный источник, чем комендант заштатного тюремного замка. Хотя в данный момент у него есть очень важное преимущество – он не может соврать.

Получается, что она – героиня авантюрного романа. Весело ей?

Нет.

9

На получение другой полезной информации, но уже связанной непосредственно с освобождением, ушло ещё часа полтора.

Ну, зато теперь она, как наверное, ни одна другая женщина, разбиралась в тонкостях устройства Крепости, и организации караульной службы в королевской тюрьме. Будем всё же надеяться, что больше эта информация ей не потребуется.

Если поймают – казнят, скорее всего, сразу (тьфу-тьфу!).

А не поймают – добровольно она в Понтуаз не вернётся, даже за большие деньги!

Ну, вот и настало время для решительных действий. В первую очередь она... разделась.

Для этого пришлось заставить Пулена разрезать шнурки корсажа. Похоже, пуговиц ещё не изобрели...

Зато теперь ничто не шелестело и не мешало двигаться.

Проинструктивровав своего подопечного, она подкралась к двери, и стала прислушиваться... Ага, вот он дошёл до дежурного по коридору. Заговорил. Пора.

Бесшумно она вышла в коридор. Он был высок – метра четыре. Но в ширину едва достигал метра – в таком не спрячешься. Хорошо, что она об этом позаботилась.

Факелы торчали через каждые десять метров, освещая двери камер, таких же, как у неё. Стены из камня, как в камере, только у факелов – здорово закопчены...

Она двигалась в своих тапочках практически бесшумно, не обращая внимания на острые камни пола и стараясь даже не дышать. Глаза хорошо привыкли к полумраку, всё видно.

Вот и первый поворот – она знала, что есть и второй. Пулена слышно гораздо лучше – он ругается.

Она осторожно выглянула, стараясь держаться ближе к полу. Всё хорошо: он стоит перед часовым так, что тому не видно коридора – тот за спиной бедолаги.

– ... неаккуратно заправлен! Что это за пояс, я спрашиваю?! Нет, молчать! Слушаться, когда я приказываю! Этот пояс ты больше не наденешь! А почему каска надвинута так низко?

Ну-ка, поправить! Сойдёт. Сойдёт, говорю! Я научу вас, олухи бургундские, дисциплине и воинскому ранжиру! Смирно, говорю! Слушать меня!..

Пока он ругался, она зашла сзади, сконцентрировалась, сложила пальцы, как надо.

Боясь перестараться, резко ударила костяшками пальцев точно за ухо бедного солдата, сразу под нижней кромкой каски.

Тот, не издав ни звука, обмяк и повалился на пол. Пришлось поддержать его, чтоб не ушибся. Пулен держался молодцом – продолжал свою выволочку и лежачему.

– Замолчи, и помоги мне донести его до моей камеры, – прокричала она (солдат попался не маленький – видать, бургундцев этих неплохо кормили там, на родине...).

Пулен взял бесчувственное тело за плечи, она – за ноги, и через пару минут они были в знакомой обстановке – в её камерке.

Удивляло, что бравый комендант никак не реагировал на её наготу – впрочем, это лишний раз убеждало её в «хорошем качестве» гипноза. Подавая ему короткие команды, она принялась с его помощью быстро и аккуратно, раздевать и часового. Это оказалось нетрудно: пуговиц не было, их заменяли крючки и петельки... Нормально.

Уже раздетого, она связала часового по рукам и ногам полосами, оторванными от своей шикарной когда-то юбки. Но всё же – не слишком туго. Кусок почище затолкала в рот, закрепила ещё одной полосой. После чего они с Пуленом взгромоздили беднягу на лежак.

Одеться оказалось легче, чем она предполагала. Одежда была простой, без вывертов и сложных деталей. Словом, настоящая армейская.

Камзол, конечно, оказался велик. Сапоги, естественно, тоже. Зато с лосинами проблем не возникло – они налезли, как родные.

Единственное, что смущало – только слепой, или идиот посчитал бы её ноги – мужскими. К счастью, высокие сапоги и длинный камзол хоть как-то скрывали эти пикантные улики.

Нацепив пояс с португеей, она обнаружила, что длинный меч создаёт проблем больше, чем всё остальное, вместе взятое. Ничего, привыкнуть можно. Хотя пару синяков она себе сразу посадила. Ноги пришлось всё же, опять сняв сапоги, обернуть подобием портянок всё из того же бархата. Теперь она вполне могла ходить.

Волосы ей пришлось снова туго стянуть, иначе они не влезали под каску. И всё равно из-за них последняя держалась плохо, даже притянутая ремнём.

Но больше всего её расстраивало и удивляло отсутствие на ней нижнего белья – даже на рядовом солдате оказалась простая (льняная) рубашка под камзолом. Её она, несмотря на не слишком свежий вид, нацепила в первую очередь. А что же произошло с её собственным нижним бельём?.. Явно ничего хорошего.

Ладно, пусть нет ни лифчика, ни даже примитивных панталон – значит, ещё не изобрели. Но как же местные женщины обходятся в... интересные периоды?

Остатками своего разодранного платья она накрыла горе-часового, тапочки поставила у лежака. Потуже затянула пояс с португеей. Порядок. Нет ещё!

Завершающий штрих: копотью со стены над факелом она нарисовала себе усы и бородку. Без зеркала было трудно, но она справилась.

Очнулся караульный – замычал сквозь тряпку, закричал и заворочался. Неторопливо подойдя, она нагнулась, и грозно посмотрела в его выпучившиеся глаза.

Придав голосу побольше злобной силы, тихо сказала:

– Ты молод, и, наверное, очень хочешь жить? – он торопливо закивал, усиленно сопя, – Тогда лежи смирно, и не шуми. Часа через три тебя освободят. Однако, если ты ослушаешься, мне придётся тебя зарезать. – тяжёлый неподвижный взгляд её огромных глаз не давал усомниться в серьёзности её намерений, – Ты всё понял?

Он очень быстро закивал головой, даже быстрее, чем в первый раз.

Они с Пуленом вышли, и заперли камеру снаружи.

Идя позади него по коридору, она подивилась самой себе – из неё вышла бы хорошая гремучая змея. Она так вжилась в образ... А где же все эти «налёты» цивилизации? Осыпались, подобно шелухе, лишь речь зашла о спасении жизни?..

Ладно, философские выверты и изыски – позже.

Они прошли весь «свой» коридор. Пулен отпер решётку между этажами ключами горестраульного. Они поднялись по крутым и неровным ступеням.

На первом этаже она остановила его и проинструктировала насчёт караульного снаружи. Затем он шумно двинулся дальше по лестнице, она же, стараясь не греметь сапогами и мечом – следом, прислушиваясь ко всему.

Вот, два пролёта крутой каменной лестницы, идущей, очевидно, внутри круглой башни, пройдены. Чуть отступив за изгиб стены, она слушала, как он громко постучал, затем, вроде, судя по скрипу, открылось маленькое окошко в толстой двери – часовой убедился, что это начальник, и что всё в порядке. Окошко захлопнулось, дверь со скрежетом открылась.

Послышался грозный голос Пулена – он велел «немедленно бежать на кухню и без ложки с жиром не возвращаться!» Конечно, в её-то время посмел бы кто из часовых оставить свой пост, даже по приказу непосредственного начальника! Последствия (для такого идиота) были бы катастрофическими!

А здесь – ничего, прошло. Часовой, стуча каблуками по плитам двора, и придерживая отлетающий от ног меч, ещё как шустро побежал!

Она бесшумно выскользнула сквозь полуприкрытую дверь.

Звёзды. Небо. Ночь. Господи, как закружилась голова!

Воздух, оказывается, такой сладкий, и так пьянит!.. А сколько в нем кислорода!

Несмотря на риск, ей всё же пришлось на пару секунд задержаться, оперевшись спиной о стену башни, из которой она только что вышла.

Ладно, насладиться свежим воздухом она ещё успеет. А сейчас...

Бесшумно, лёгкой тенью проскользнув по двору, она скрылась за дверью, ведущей к лестнице, по которой попадали на наружные стены – часовые, как она знала, наверху. И её не услышат.

План замка чётко отпечатался в её голове. Время потрачено не зря.

Вот и вернулся часовой с ложкой жира. Было отлично слышно, как Пулен ругается, а часовой суетливо мажет дверные петли жиром, проверяя, скрипят ли они «теперь».

Наконец, устранив скрип, дверь заперли.

Самый ответственный момент – Комендант направился в кордегардию. Вот отворилась дверь клетушки под массивными воротами, вот он вошёл. Слышен его немного заторможенный, но громкий и вполне деловой голос, затем ответ подчинённого – вероятно, сержанта. Вот слышен ещё топот сапог – двое побежали в конюшни. Послышалась уже их ругань – вероятно на дежурного конюха.

Воинская дисциплина всё же – великая вещь. Минут через пять-шесть пару запряжённых коней выводили из конюшен. Никому и в голову не пришло (вопреки её опасениям) спросить у начальства, куда это оно собралось в три часа ночи.

Спустя ещё минуту Пулен, уже верхом, и со вторым конём в поводу, подъехал к её двери.

Прикрываясь, по возможности, туловищем коня, она, собравшись с духом и силами (вот чего, к счастью, не занимать этому телу – тьфу-тьфу – так это сил!), забралась в седло.

Ох, какое неудобное, она привыкла не к такому, а к современному. Впрочем, не будем врать самой себе – ездила верхом она в жизни всего два раза. За это время к седлу не привыкнешь! Да и не в таком она сейчас положении, чтобы капризничать.

Когда они с Пуленом подъехали к воротам, он уже был проинструктирован, и грозно потребовал, чтобы всё делалось побыстрее, и оставил за себя старшим сильно растерянного

сержанта. Караульные и сам оставленный «за главного» если и были удивлены, или что-то заподозрили, прекословить и спрашивать что-либо всё равно не посмели.

На этом и строился её расчёт – на субординации. То есть, начальник всегда прав.

В случае, если начальник не прав, действуй по Правилу – начальник всегда прав.

Конечно, неторопливо проезжая под аркой подъёмного моста и через ворота, она чувствовала на себе подозрительные взгляды и порадовалась, что умеет хотя бы правильно сидеть на лошади. Осанкой она – практически мужчина. С бородкой и усами её явно не узнали. В завершение маскарада, выехав за ворота и проехав мост, она смачно сплюнула, ещё и почесав зад. Ощущала она себя... актрисой.

Ворота со скрежетом и скрипом, достойным целой миски жира, закрылись.

Может, это было как-то символично, но именно в этот момент на колокольне какой-то соседней церкви пробило три часа.

Она, слушая, как за ними поднимают мост и опускают тяжёлую толстую железную решётку, подивилась – неужели *всё* позади? Неужели то, что она, Ирина из двадцать первого века, задумала, сидя на гнилой соломе в затхлом подземельи, осуществилось?!

Э-э, нет, радоваться рано. Позади только первый, хотя, возможно, и самый трудный, этап её полного спасения. Работы много.

Приблизившись к Пулену, она тихо сказала:

– Едем шагом. Направление – Париж.

10

Шагом, конечно, они ехали недолго. Когда дорога, идущая вдоль рва замка, углубилась в лес достаточно далеко, и громада нависающих чёрных стен осталась позади на достаточном расстоянии, чтобы стук копыт не был слышен в тишине летней ночи, они перевели коней на рысь, а затем и в галоп. Лошади выглядели вполне здоровыми и ухоженными, поэтому они практически не сбавляли хода вплоть до самых ворот Курбевуа.

Эта поездка навсегда запомнится ей.

Они ехали на юго-восток, проносясь сквозь застывший в предрассветном молчании таинственный лес, и только топот копыт нарушал какую-то особенную, густую, как патока, тишину. И – удивительное дело. Она ощущала себя не Ириной из далёкого будущего, а Катариной-Изабеллой, Катариной из этой реальности, этого мира! Словно стены чёрного замка-тюрьмы отрезали навсегда её прошлое, её *ту* жизнь...

Впрочем, разве это и не к лучшему? Пора *вжиться*, а не играть. Жить, а не прикидываться! Что бы ни готовило ей Будущее – она примет всё!..

Но сквозь чернильно-вязкую тьму эта бешеная скачка, да ещё с философскими мыслями, длилась недолго.

Небо посветлело, стали видны промежутки между деревьями, кусты и поляны. Затем горизонт стал чудесного тёмно-бирюзового цвета, какой бывает только у летних рассветов. А вскоре и лес поредел, а затем и вовсе кончился. Дорога шла какое-то время по его кромке, и её взору открылись поля, поля, и между ними полосы деревьев, и виноградники. Оглядываясь, она видела только пыль, маленькими облачками относимую с дороги ветерком, и разбитую грунтовую (ну ещё бы – не асфальтовую же!) дорогу.

Кони неумоимо мчали их по пустынной, пока безлюдной, явно сельской местности. Конечно: ведь что там *тот* Париж – не то, что мегаполис *её* времени, раскинувшийся почти на сто километров. А в этом сейчас, наверное, не больше полумиллиона человек...

Они продолжали скачку в молчании. Не то, чтоб у неё не было вопросов, но, во-первых, с непривычки почти все силы уходили на то, чтобы просто удержаться в седле на этой бодрой и чудесной живой махине, а во-вторых, большинство вопросов могло и подождать.

Да и язык очень даже легко можно прикусить.

Пулен, судя по нему, никаких неудобств от скачки не испытывал. Ещё бы, с его-то практикой. Ей же, спустя примерно час, не натирало разве что в носу. Ладно, она потерпит.

Вскоре лес кончился совсем. Поля и виноградники остались, стали попадаться и сады с деревеньками – выглядели они какими-то ненастоящими, кукольно-театральными. Домики казались совсем маленькими, низкими. Покрыты, как на хуторах Украины, соломой.

Кое-где уже всюду велись хозяйственно-полевые работы, бегала живность (пестренькие куры, и мелкие, какие-то зачуханные, бараны и козы, тощенькие коровёнки).

Люди, возившиеся в огородах и на полях, по большей части крестьяне, мимо которых они проносились, обращали на них мало внимания, кроме, разве, тех, кто попадал в тучу пыли. Такие ругались им вслед, отходя от дороги. Остальные просто провожали спешивших всадников равнодушными взглядами, и занимались дальше своими делами.

Одежда крестьян вполне соответствовала эпохе: рубахи, безрукавки, мешковатые штаны до колен, и чулки. Почти у всех на ногах были массивные бесформенные туфли – очевидно, сабо. Некоторые, особенно дети, ходили просто босиком. Женщины, попадавшие на пути, все сплошь одеты одинаково, словно это они служили в армии: чепец на голове, облегающий корсаж до пояса, и пышноскладчатая юбка до земли.

Неудобство такого наряда она вполне успела оценить. Нет уж. Пока необходимо быстро передвигаться, она лучше побудет мужчиной. У них и сёдла удобней – можно ноги вдевать в стремя.

Рассматривать получше этих спокойных, занимающихся своими делами людей ей, однако, было не совсем сподручно: на той скорости, которую они поддерживали, всё вокруг подскакивало, едкий пот заливал глаза, каска всё норовила съехать на глаза, и вытереться было нельзя – а то плакали её усы и борода.

Оставалось лишь утирать лоб, да отдуваться – она, конечно, ездила на коне, но лёгкая прогулка на смирной отдрессированной кобылке не шла ни в какое сравнение с тем землетрясением, что содрогалось сейчас под ней, остро воняя потом и сердито всхрапывая.

Пропотела она в своём камзоле так, что с нижней рубахи пот можно было, похоже, выжимать. Ну (конечно, это дело вкуса), пахло от неё всё же получше, чем от жеребца. Однако грех на него жаловаться – это именно его стараниями она сейчас отдалялась от своей тюрьмы, и нависающего меча угрозы жестокой казни. Так что к концу пути она прониклась к своему коню благодарностью и уважением – он, как настоящий дисциплинированный воин, безропотно и быстро мчал её к её цели.

Спустя два часа бешеной скачки Пулен так и не вспотел, и в седле сидел всё так же уверенно и грамотно. Похоже, бессонная ночь и гипноз никак не сказались на его профессиональных навыках. Она же довольно сильно измоталась и запыхалась. Но – она продержится!

Она спросила, Пулен ответил – они добрались, и проезжали через предместье Эрбле.

Справа заблестела под лучами взошедшего солнца, Сена. За ней зелёным монолитом стоял лес Сен-Жермен. В Безоне они перешли на шаг, чтобы несколько отдышаться самим и успокоить лошадей. Пыль больше не летела из-под копыт. Людей, по-прежнему крестьян, встречалось теперь гораздо больше, и неудивительно – самое время было везти на рынки дары полей. Многие тащили здоровые тюки со всякой зеленью прямо на плечах, иногда попадались и телеги, нагруженные всё теми же продуктами. Она не рассматривала специально, но были там в основном фрукты, зелень, и мешки овощей.

Собственно говоря, что же там ещё могло быть в конце лета – большому городу нужно много продуктов, свежих и спелых!..

Ближе к стенам, с видневшимися в них воротами, им пришлось расталкивать и окриками разгонять толпу, чтобы проехать.

Перебравшись по длинному мосту через Сену (с Волгой, конечно, не сравнить!), они подъехали, наконец, вплотную к высоким Парижским стенам.

Надо же... А ведь их, похоже, действительно строили в расчёте на отражение штурмов. Как в кино!

Возле самих ворот Курбеуа было настоящее столпотворение из-за въезжающих и уже выезжающих повозок, и пеших нагруженных и ненагруженных желающих войти, или выйти. Пулен громко ругался, и у них въезд в ворота не вызвал проблем: ведь они были в форме, следовательно, каждый видел – солдаты короля.

Толпа расступалась, стража, стоявшая по бокам, приветствовала.

Ответив, они въехали, наконец, под арку огромных ворот. Катарина, заранее давшая наставления своему «начальнику», скромно держалась сзади, по возможности опуская, или отворачивая голову. Как знать, не будут ли вскоре расспрашивать этих дежурных о въехавших офицере и солдате...

Проезжая под громадой нависающих камней сторожевой башни, она испытывала невероятное волнение. Сколько раз в той, другой, жизни, она мечтала о Париже. И вот она здесь. Да ещё при каких обстоятельствах! Полнота ощущений: от вида столичного города, усталости от долгой тряски, острого запаха пота, дыма, пыли.

Беспокойства о возможной погоне...

Пока основным её чувством была отнюдь не радость, а самый обычный страх – страх, который охватывает перед важным экзаменом. Страх перед встречей с матерью.

Матерью Катарины.

Теперь они ехали по самому городу.

Расчёты вполне оправдались, въехали они спокойно. Да и теперь, среди пёстрой толпы разносчиков, крестьян, торговцев, других всадников, мальчишек в отрепьях, слуг и служанок, спешащих по своим делам, на них практически никто не обращал внимания.

Они продвигались примерно на юго-восток. Пулен уверенно лавировал в гуще извилистых улочек и переулков. Сена, спокойно текущая серая лента, оставалась теперь справа, иногда мелькая среди улиц и домов, или открываясь с набережных в полном великолепии. По ней уже всюю сновали лодочки и шаланды покрупней, с товарами.

Однако пробираться по городу, конечно, оказалось гораздо трудней, чем по пыльным, но пустым, сельским дорогам. Узкие, кривоватые и бугристые, словно лабиринт, запутанные и все время меняющие направление и ширину, улочки, почти сходящиеся наверху, на уровне третьих этажей, создавали внизу, у земли, полумрак, мешавший разглядеть, куда же они едут, и что находится вокруг. Мостовая – если можно так назвать поверхность, которую ещё не замостили – вся в рытвинах, колдобинах и ямах. В таких стояли лужи грязной вонючей воды: сюда, похоже, сливали все помои, нечистоты, и сыпали весь мусор, от которого жители окружающих домов хотели избавиться.

Интересно, как они обходятся без канализации... Впрочем, есть же какие-то золотари.

Кажется, они орудовали именно в эту эпоху. То есть, хоть выгребные-то ямы при домах есть...

Однако вонища стояла страшная. Чего удивляться, что здесь вспыхивают всякие эпидемии. Вот уж антисанитария и экзотика средневековья в чистом виде. Без, так сказать, «романтических прикрас» писателей и художников. Ну правильно: в фильме вонь и грязь не покажешь! Смотреть не будут.

Хорошо, что она на коне! Наступать на такую мостовую было бы не только противно, но и опасно – ещё подцепишь какую-нибудь заразу... Народ, между тем, несмотря на ранний час, бодро сновал с деловым видом, даже успевая ругнуть их нехорошим словом, когда их кони вынуждали пешеходов (если так их можно называть) шарахаться в сторону, чтобы пропустить Пулена, даже не думавшего сворачивать, когда кто-нибудь возникал перед мордой его коня.

Правда, она не поручилась бы, что он вёл бы себя лучше в не-загипнотизированном состоянии... Скорее всего – нет. Пропасть между ним и «быдлом» слишком велика.

Ароматы, стоявшие вокруг, невольно напомнили её гнилое подземелье.

И только теперь, когда адреналин бешеной скачки остался позади, она приказала себе серьезно задуматься – что и как делать дальше. Нет, план у неё был, и вполне конкретный. Но как она сможет увязать его с жёсткой действительностью? Да и сможет ли?

Слишком многое невозможно предвидеть или просчитать заранее. Слишком многое зависит от других людей – от её матери в первую очередь.

Знание языка, это, конечно, хорошо. Но ведь у каждого человека, кроме языка, есть ещё огромный жизненный багаж: семья, история жизни, привычки, друзья, навыки общения, элементарные знания о своей эпохе, манера одеваться, наконец.

Она читала в свое время романы – фантастические романы! – о том, как из ее, или примерно её, эпохи, люди – ну, разумеется, крепкие, и много всего полезного знающие мужчины! – попадают в древние века и разные страны... Кажется, эти романы так и назывались – «про попаданцев». Но там...

Только полный идиот, или восторженный подросток не заметил бы наигранности и неправдоподобности ситуации. Особенно сказочки про то, как такой «крутой» становится Королем... И вершит историю с большой буквы.

Здесь – все реально! Зримо! Весомо! (А особенно нервирует все-таки вездесущий запах банального дерьма!..)

Сможет ли она, заброшенная сюда из другого времени, из другой страны, из другого социального строя, наконец, *действительно*, а не так, как в дурацких книжках и фильмах, приспособиться здесь, где она никого, даже собственную мать, не знает?!

Впрочем, нет – так не годится. Опять негативное мышление.

Она-то сможет. Она смогла и не такое... Вопрос только в способе.

Захочет ли мать помочь ей, если узнает, что телом её дочери завладела наглая самозванка?

Нужно ли рассказать её матери ВСЁ? Или – не всё, а часть... правды?

Да и какой правды?!

Опять ей предстояло то, что пугало её – решать новые проблемы на новом месте, и по мере их возникновения.

Улочки чередовались с небольшими площадями, на которых размещались микрорынки, перекрёстками, пустырями с остатками рухнувших домов, другими улочками – уже с лавками и пекарнями.

Ну и ароматы! Да, конечно, здесь всё ещё пахло и конским потом, и гниющими отбросами, и кожей, и – человеческими нечистотами...

Но в то же время и – молоком, дымом, свежеспечённой сдобой, благовониями, в зависимости от того, мимо чего они проезжали: здесь располагались на первых и в полуподвальных этажах и булочные, и сапожные мастерские, и кузницы, и даже лавки с восточными коврами, пряностями и благовониями, – вот, запах ладана не спутать ни с чем.

Ходу мыслей вся эта пахучая, красочная и шумная экзотика не мешала.

Нет, разумеется, она довольно успешно сдала первый жизненный «экзамен» – её не казнят послезавтра на Гревской площади, где кончают жизнь все преступники из благородных. Она и дальше изо всех сил и любым способом намерена защищать, сохранять и бороться за существование в этом чудесном, невероятном даре Небес – молодом и здоровом теле. Да ещё – благородных кровей. Да, за него она готова на всё! На всё!..

Но, конечно, хотелось бы не всегда только бороться и выживать – хотелось бы иметь, всё-таки, и спокойные минуты. Для нормальной личной жизни. Для отдыха. Для изучения *этого мира*.

Значит, придётся выдерживать и другие экзамены: приспособиться к общению с людьми любого круга, научиться одеваться, интриговать, находить союзников. Убивать, или... нейтрализовывать врагов.

Возможно, придётся на время сменить, насколько возможно, внешность, взять другое имя. С документами, кажется, здесь проблем не будет – их попросту нет.

Ни паспортов, ни свидетельств о рождении, ни водительских прав, или всего такого...

А с внешностью тоже, наверное, трудностей не будет – хотя пластической хирургии и нет, элементарные приёмы, типа – грима, париков, мужской одежды и проч. уже точно есть.

Да, «будем решать проблемы по мере их возникновения» – снова приказала она себе.

Сейчас главное – встреча с матерью. Как же ей вести себя – ей, сорокалетней женщине двадцать первого века? Пока ничего толкового и конкретного в голову не приходило. Значит нужно, как всегда, предоставить событиям развиваться так, как будет угодно Господу, и надеяться на лучшее, наметив лишь «Генеральную линию». Как там было сказано во «Влюблённом Шекспире»?

Всё решится само собой!..

Чем не план? Не хуже любого другого.

От матери ей нужны две вещи. Деньги (о, деньги спасают жизни во все времена!). И – хорошо бы информацию о том, где можно спрятаться, пока не утихнут страсти вокруг неё и её побега. Всё-таки она сейчас действует наперекор официальной власти – власти короля.

Получит ли она такую поддержку от матери, если та узнает, *кто* она?

Хм-м, вопрос, конечно, интересный...

Но ведь даже в *этом* случае тело её дочери остаётся телом её дочери!

И это именно *она* вытащила сейчас это тело из тюрьмы, и спасла от очень «непрестижной» смерти – на плахе. И она вовсе не должна кому-то другому (кроме матери) признаваться в подмене...

Для всего остального света она продолжает оставаться Катариной-Изабеллой! И если удастся доказать свою невиновность, её могут даже восстановить во всех правах и вернуть конфискованную собственность... Явятся ли такие соображения аргументом для пожилой женщины четырнадцатого века, да ещё потерявшей дочь, зятя, и часть имущества?

Поживём – увидим. В любом случае, её путь проходит через дом матери. Значит, вперёд. Отступать некуда.

Проехав через очередную маленькую рыночную площадь, и продравшись сквозь очередные торговые ряды, выбрались на более обширное пространство, в центре которого был установлен широкий и высокий – более двух метров – помост из досок. Посередине помоста угрожающе возвышалось заляпанное омерзительными бурями потёками колесо, на высоте в полметра. Тут же торчали жутко выглядевшие, острые побуревшие колья.

Несмотря на то, что она никогда не была здесь, сердце внезапно мучительно сжалось, словно раньше своей новой хозяйки поняло, *что* это такое.

У неё возникло ощущение, словно что-то плохое, необратимое, вот-вот должно случиться, а она не в силах помешать, или предотвратить – как в кошмарном сне.

Огромные жирные мясные мухи и стая ворон, чинно разгуливающих по помосту, делали её вопрос бессмысленным – она и так знала ответ. Всё же, переборков подступивший отвратительным комком к горлу страх, и внезапную слабость, она задала вопрос невозмутимому проводнику-проводителю.

– Это – Гревская площадь, – ответил он, словно речь шла о реке, или лесе, – здесь и должны были через два дня вас казнить.

Перед тем, как они углубились в очередной проулок, она вполне отчётливо и во всех омерзительных подробностях рассмотрела всё: и почерневшие колья для голов, и брусья висе-

лицы с лоснящимися верёвками, и огромное колесо на подставке, облитое чёрными теперь потёками. И несколько прилипших к ободу волос, развевавшихся на ветру.

Почему-то последняя подробность запечатлелась в памяти лучше всего...

Вот, значит, какая судьба была ей здесь уготована, если бы не жажда жизни и кое-какие знания! Недаром это тело инстинктивно откликнулось столь диким ужасом.

Наверное, это всё же жест Провидения – что она здесь. Но, к счастью, совершенно при других обстоятельствах, чем могло бы быть, упали она духом, сдайся на милость обстоятельствам, или... Сотвори какую-нибудь глупость.

Она жива и свободна – вот лучшее доказательство того, что можно и нужно бороться даже в, казалось бы, совершенно безвыходных ситуациях. Бороться, невзирая на века и страны... Не считать себя умнее людей (наоборот, люди этой эпохи, похоже, ещё хитрее и прагматичней, чем её современники), а использовать их слабости, пороки... Возможно, и благородные качества. Словом, всё, что может быть использовано – для её блага.

Ладно, подумала она, отворачиваясь от страшного напоминания, будем считать, что этот урок усвоен. И не забудется до самой смерти. Желательно – смерти от старости.

Поплутав ещё несколько минут по чуть менее оживлённым и тесным, чем до этого, улицам, они выехали на огромную набережную. Здесь красовался длинный, и довольно невыразительный королевский дворец.

На её вопрос Пулен ответил и показал (Пальцем! Ну так – культурный же!..) Лувр, оказавшийся низким и маленьким, и новый дворец – Ситэ, по имени которого назывался и весь прилегающий район, больше напоминавший из-за больших торговых рядов, муравейник: площадь заполняла огромная толпа крикливых торговцев, стоявших за прилавками лавок, очень даже похожих на современные ларьки, или снующих – с уже портативными лотками на пузе. Хватало и неторопливо, с чувством собственной значимости и достоинства, движущихся, и не стыдящихся отчаянно торговаться, покупателей.

Она отметила, что покупатели – большей частью из благородных и обеспеченных: они выделялись яркими и явно дорогими нарядами и горделивой осанкой. Мужчины ходили вразвалку, женщины странно горбились – возможно, из-за непрактичного, но, похоже, модного покроя длинных платьев до пола. Глядя на эти платья, можно было сразу понять: благородные и высокородные дамы... Вынуждены терпеть значительные неудобства. Только бы не походить «фасоном» на простолюдинок...

Разумеется, и здания, окружавшие это место, выглядели куда шикарней, чем домики обывателей, встречавшиеся им до сих пор. Сразу чувствовался центр города – престижный район знати.

Огромный белый костёл, обнесённый с задней стороны лесами, своими очертаниями показался странно знаком – и точно, это оказался тот самый Нотр Дам!

Его всё ещё достраивали. Грязь и время ещё не успели испачкать стройные стены серой коркой. Ничего не скажешь – впечатление он производил просто потрясающее.

Однако рассматривать что-либо подробно не пришлось, а пришлось, поминутно отбиваясь от назойливых разносчиков, лоточников и обтрёпанных нищих, прокладывать себе дорогу в этом сумасшедшем доме, следя, чтоб не отстать от Пулена, которого настырные торговцы и завзятые нищие почему-то не одолевали. А может, их пугало выражение его лица?

Она имела полную возможность оценить Парижский «Привоз»: товаров, и со всего света, действительно было много – от драгоценных украшений, до роскошных туалетов. Ткани на любой вкус, по-видимому, в основном шерстяные, льняные и шёлковые – самые дорогие (наверное, дорого обходится перевоз с востока). Оружие, португеза, сладости, кружева, ковры, посуда, колбасы, сыр и другие деликатесы. Средневековый элитный рынок, похоже, давал очень богатый выбор!

Ничуть не хуже, чем любой современный базар.

Запахи от разных пирожков, вафель и специй напомнили ей, что она со вчерашнего обеда ничего не ела, опасаясь медленного яда от своего «хитрого» напарника. Ничего, бережённому Бог бережёт... Без пищи можно прожить. А вот с отравой в теле...

Впрочем, кроме серебряного ливра, который она решила сохранить на память, у неё не было ни гроша. Не страшно – она потерпит и без еды, лишь бы выжить.

Продравшись, наконец, сквозь всё это разнообразие, они двинулись вдоль Сены по одной из параллельных ей улочек, и вскоре свернули налево – на улицу Сен-Поль.

Проехали по ней с километр, повернули направо.

И вот она у цели: улица Сен-Клод, массивные почерневшие дубовые ворота небольшого двухэтажного особняка, которому явно не повредил бы ремонт. Похоже, с деньгами здесь... напряжённо.

Выпрямившись в седле, и отмахнувшись от разных дурацких сомнений и переживаний, она велела Пулену погромче стучать железным кольцом, укреплённым на створке высотой метра в три. Впрочем, здесь имелась и небольшая калитка в одной из створок.

Не прошло и десяти секунд, как в этой калитке открылось окошко, в которое высунулось сердитое бородатое мужское лицо. Не давая незнакомцу вылить поток явно нехороших слов из открывшегося уже рта, она, повысив голос, не терпящим возражений тоном, приказала:

– Немедленно открывай!

Рот закрылся, зато выпучились глаза. Её, несомненно, узнали, несмотря на маскарад – скорее всего, по голосу. Моментально окошко захлопнулось, и загремели засовы.

Створка ворот легко отъехала в сторону, и Пулен, повинувшись её приказу, въехал во двор.

Последовав за ним, она повернулась к открывшему – крепкому, довольно симпатичному мужчине, с виду лет сорока пяти, одетому почти как солдат, только без полос на камзоле. Взгляд, в котором ещё сквозило удивление, был умным и настороженным.

– Запри ворота, и не открывай больше никому, хотя бы сюда ломилась вся армия королевства! И никого на улицу тоже не выпускай – без моего приказа!

– Слушаюсь, сударыня! – точно, её узнали. Голос серьёзный и радостный.

Ворота оказались почти мгновенно захлопнуты, и он загремел засовами, которых, судя по всему, имелось много – и претяжёлых. (а времена-то, похоже, беспокойные...)

Вот она и «дома».

Из бокового крыла, кажется, недавно пристроенного к дому, выскочила невысокая женщина, тоже лет сорока пяти, и кинулась прямо к ней. Вид у женщины был... своеобразный: она то ли смеялась, то ли плакала.

Тут же выяснилось, что она делала и то и другое одновременно:

– Господи-Иисусе, сударыня! Да вы ли это? Вы-вы! Да что же это делается -то!.. А я голос услышала, думаю – не может быть! Мать Божья, а уж я-то по вас все глаза повыплакала! Вот радость-то! Да как же... Как же вы здесь-то оказались?! Что случилось? Неужто его Величество вас помиловал?!.. Ведь суд-то этот – чтоб этим скотам всем провалиться... они хуже бандитов! Ах, Мать Божья, Пресвятая Богородица! Вот матушка-то ваша обрадуется! – буквально уливаясь слезами, но улыбаясь, женщина заключила, наконец, в объятия слезшую, наконец, с коня Катарину, и вертела её во все стороны неожиданно сильными руками, то кидаясь к ней на грудь, (так как была почти на голову ниже), то отстраняя её, чтоб взглянуть искрящимися глазами на всю неё – сверху донизу.

– Но что же это с вами, сударыня?! Почему вы так одеты? Ведь это не положено вашей милости! Ох, сударыня, да что же случилось-то?! Уж вы бы...

– Хватит! – решительно пресекла Катарина поток вопросов и причитаний, – Вот, поддержи коня! – передав ей уздечку, которую ещё не выпускала из рук, она глубоко вздохнула, отгоняя нахлынувшие было эмоции. Некогда!

В наступившей тишине, она произнесла, стараясь говорить мягко, но убедительно:

– Я тоже ужасно рада видеть тебя! И я рада тому, что я здесь, и жива. Ты хочешь, чтобы я и дальше была жива? – она подождала, пока в заплаканных глазах радость сменилась испугом – значит, смысл её слов дошёл до женщины – и продолжила, – Времени терять нельзя! Помоги мне!

– Так вы, сударыня... Вы...

– Ну да, я *сбежала!* – она произнесла это шепотом, – Теперь я – беглая преступница. Ты сможешь мне?

К чести женщины, которую Катарина видела в первый раз в жизни, нужно сказать, что та не колебалась ни одного мгновения, шире распахнув глаза, и быстро закивав:

– И она еще спрашивает! Да, да, да! Всё, что смогу! Всё, что вы скажете!.. Да как же я не помогу своей Беллочке, кровинушке своей ненаглядной! Господи, да я за вас, сударыня, душу свою отдам, а если надо будет, и глотку кому-нибудь перегрызу!

Уж не кормилица ли это Катарини-Изабеллы?! Или няня?

Это было бы прекрасно. С одной стороны. С другой – уж она-то точно сможет понять, кто перед ней на самом деле. Но это – дело будущего. Сейчас главное – мать!

– Спасибо, няня! – она тряхнула головой, отгоняя непрошенную слезу, и концентрируясь, – Тогда распорядись скорей, чтобы приготовили четырёх свежих коней, а этих, – она кивнула на взмыленных животных, – нужно немедленно куда-нибудь убрать, продать, или ещё что... Чтoб их здесь не было!.. Если через полчаса я не уеду отсюда, меня могут догнать и снова схватить!

– Пулен! – повернулась она к своему невольному соучастнику, всё это время с тем же отсутствующим видом сидевшем на коне посреди двора, – Слезай с коня, и отведи коней в конюшню! – покажи ему, – обернулась она снова к своей предполагаемой кормилице, – а потом покорми его и своди в туалет. Нет, не удивляйся, он будет слушаться тебя, словно малый ребёнок – что прикажешь, то и сделает. – она кивнула в ответ на немой вопрос. – Он будет слушаться! И помни: через полчаса он должен быть готов ехать дальше, и ехать далеко.

– Пулен! – она вновь обращалась к нему с повелительными интонациями, как бы приказывая няне, как это делать, – Во всём слушайся эту женщину! Что прикажет – выполняй! Ты понял? – да, он понял. При звуке безжизненного голоса няни удивлённо сморщилась, однако ничего больше не спросила. Удивительно. Но – молодец.

Посчитав необходимым всё же дать хоть какие-то объяснения, она сказала:

– Он помог мне выбраться. Зовут его Николая Пулен. Разговаривай с ним поменьше – он... болен. Сделай, как я просила. Пожалуйста, быстрее! Помни – полчаса! Сделаешь?

Её собеседница, вначале несколько опешившая от такого оборота дела, теперь, похоже, вполне очнулась, и торопливо закивала:

– Да-да, сударыня, я всё поняла, всё сделаю! Четыре свежие лошади. От этих двух быстро избавиться. Покормить и сводить в туалет Николая. Уж будьте уверены – я всё сделаю! И – хотите вы, или не хотите, я и сама соберусь – я не оставлю вас в такой момент! Поеду с вами, хоть на край света!

Слёзы как-то сами брызнули-таки у Катарини из глаз, и она не заметила, как вновь очутилась в объятиях этой, так странно ей преданной женщины. А ведь она даже имени её не знает!..

Кое-как высвободившись, она пробормотала, чувствуя себя последней свиньёй:

– Спасибо тебе! Я буду рада, если ты будешь со мной! Но я должна бежать. Мне нужно увидеться с матерью. Где она сейчас?

Женщина, казалось, несколько опешившая от такого вопроса (да, по-идее она-то должна знать, где комната матери!), показала рукой на парадное и вверх, сказав только:

– Справа... – как она уже бежала, перескакивая через ступеньки – благо, штаны позволяли, а задержалась она куда больше, чем могла себе позволить.

Сейчас ей было плевать на пропотевший пыльный камзол, каску, и, наверное, размазавшиеся усы и бороду. Стыдно, конечно, не ориентироваться в отчем доме, но не это сейчас главная проблема. Тем более что в *этом* доме она теперь неизвестно когда побывает в следующий раз...

Как же примет её мать? И примет ли? Вот и узнаем. Вперёд!

11

Взбежав на второй этаж, она сразу кинулась к дверям справа. Но ей всё же пришлось открыть две двери. За третьей она обнаружила то, что искала.

На роскошной, резного дуба огромной кровати, под балдахином, на ослепительно белых простынях и подушках полусидела-полулежала благородного вида пожилая, но ещё очень привлекательная женщина. Взгляд её не был удивлённым – скорее, ожидающим. Наверное, у неё отличный слух, и она слышала всё, что только что произошло во дворе.

Ворвавшись в комнату, Катарина автоматически захлопнула за собой дверь, и, задышавшись, прислонилась к ней спиной, на секунду застыв у входа. Она взглянула в глаза матери.

Что-то защемило у неё в сердце (или это было сердце другой Катарини?!), и она, больше не сдерживаясь, кинулась прямо на грудь молчавшей женщины.

Всё мучительное напряжение, волнение и страх этих дней прорвались, наконец, наружу: она бурно и громко разрыдалась, уткнувшись грязным лицом прямо в дряблую грудь под накрахмаленными простынями и кружевной сорочкой.

Несколько минут она ничего не могла сказать. Женщина тоже молчала.

Но её мягкие заботливые руки спокойно, не торопясь, сняли с Катарини каску – она непроизвольно тряхнула головой, откидывая назад пучок грязных, липших к лицу, волос.

Руки матери тем временем так же спокойно и бережно, словно фарфоровую вазу, положили каску на кружевную атласную подушку. Затем они, действуя как бы сами по себе, гладили её по голове и плечам, мягко и нежно прижимали к груди.

А затем эти руки так же мягко приподняли её подбородок, и её залитые слезами глаза встретились с приветливым, но как-то странно спокойным взглядом.

Приятно-певучий (ох, как похож на её – в смысле, Катарини!) тихий голос нарушил, наконец, несколько затянувшееся молчание:

– Значит, ты всё-таки бежала?

– Да, да, мама! Сама не знаю как, но мне это удалось! – она приподнялась из неудобной позы, в которой полулежала-полустояла на коленях – на простынях осталось безобразное грязно-мокрое пятно – и присела на край постели вполоборота к матери, – Теперь мне надо где-нибудь скрыться и переждать хоть какое-то время!

Словно не слыша конца фразы, женщина, опирающаяся на подушки, умным и цепким взглядом смотрела не отрываясь прямо ей в глаза. Катарина ощутила озноб. Страх усилился.

Эта женщина что-то чувствует. Чует, что перед ней самозванка.

После ещё одной довольно неуютной паузы, мать всё так же спокойно спросила:

– И как же ты сделала это?

Да, она была уверена – эта женщина всё поняла. Вот только когда – сейчас, или...

Значит, нужно сказать ей правду – так говорил её инстинкт. А ему-то можно доверять. Всё-таки, с Пуленом, и со всем остальным он не подвёл...

– Я... заколдовала самого коменданта крепости Понтуаза. Что-то внутри меня помогло мне сделать так, что он стал подчиняться мне, даже не зная об этом.

С его помощью я достала одежду, и выбралась наружу. Потом я побоялась отпустить его, и привезла сюда, чтоб не оставлять следов...

– Ты всё сделала правильно, его нельзя сейчас отпускать, – похоже, эту женщину упоминание о «колдовстве»-гипнозе несколько не удивило, – Но скажи, что помогло тебе? Это... внутри тебя... Что – это?.. Или – *кто* это?

– Да, да! Это – внутри меня... Я... Я не знаю точно, что...вернее, кто это – внутри меня, но она говорила мне, что нужно делать, а я делала. Делала всё...

Снова повисло напряжённое молчание.

Пронзительные глаза не отрываясь глядели ей в глаза, казалось, проникая прямо в душу, прямо в самую потаённую глубину, где она была собой – всего лишь смертельно напуганная, чужая всем здесь женщина.

Странница, ищущая помощи и защиты.

Вдруг женщина, как бы отвечая на её сметённые скачущие мысли, взяв её руки в свои, мягко произнесла:

– Во вранье ты не сильна. Но во многом другом – да...

Я помогу тебе, незнакомка, кто бы ты ни была.

Да, – мягкий кивок, – Я вижу – я вижу тебя *там*, внутри. Внутри тела моей дочери.

Ты очень сильно отличаешься от неё. И, может, это прозвучит странно, *тебя* сейчас я понимаю лучше, чем понимала её. Может, это оттого, что ты сильнее... Сильней чувствуешь. Сильней хочешь... И – знаешь, чего хочешь...

Она не договорила, но Ирина, ставшая за эти краткие мгновения снова Ириной, сразу поняла, что она имеет ввиду – жить. Да, жить. Это правда – она очень хочет! Жить...

Женщина замолчала. Выражение её глаз теперь было немного другим: в них отразилась и боль разочарования, и горе, и, как ни странно, сочувствие.

Не в силах выдержать этот мистический миг единения, когда, кажется, они составили одно целое, Катарина отняла свои руки из бледных и морщинистых рук матери, и закрыла лицо, глухо застонав.

Господи, в ужасе подумала она – да она же телепатка! Конечно, она видит меня насквозь, как и всех других – ведь она может читать мысли, и чувствует эмоции!

Вся тяжесть её положения ужасным грузом легла ей на плечи, столь быстрое разоблачение окончательно добило её. Ей просто нечего было сказать. Помощь?

Какая помощь ей – чужой и незнакомой? Отчаяние и разочарование стальной рукой сжали её сердце. Ей некуда идти. Она никому не нужна. Она – чужая! Даже матери – чужая...

Хватит расслаиваться – надо бежать. Здесь ей никто не поможет. Здесь она – отрезанный ломоть, незнакомка-узурпаторша.

Наверное, нужно попросить прощения, и попрощаться с несчастной мужественной женщиной, потерявшей дочь. Дальше придётся действовать самой. Хотя без той поддержки и знаний, на которые она так наивно, но всё же надеялась, будет в десять раз тяжелей...

– Простите. Хотя... Не знаю, можно ли простить *такое*... Я... Не имела права влезать в тело вашей дочери... И уж тем более – приходить сюда! Я... Прощайте. – она попыталась двинуться к двери, все ещё не смея взглянуть в эти глаза...

Но что это? Мать Катарины, снова взяв её руки в свои, отняла их от её пылающего лица, и снова смотрит на неё.

– Вы... поняли всё, как только я вошла? – выдавила она сквозь рыдания.

– Нет, я узнала ещё позавчера. Я это почувствовала. Я всегда знаю и чувствую *такое* – когда кто-то из моих кровных родственников, как бы далеко он не был – умирает.

Это – фамильный дар. Он никогда не подводит, и не обманывает.

Позавчера я почувствовала – моя дочь умерла.

Её не убили, нет. Она сама захотела умереть. И умерла. Я очень хотела проститься с её телом, надеялась, что теперь мне его выдадут. И оно избежит позора. – она помолчала, и тоже вздохнула.

– Но ты сделала лучше – принесла его прямо сюда. Не знаю, как ты оказалась в теле моей дочери, но – *на всё воля Божья*. Раз тебе удалось то, что не удалось всем нам, значит ты женщина сильная и волевая. Думаю, вернее, вижу – ты не сдаёшься без борьбы до последнего вдоха...

И раз уж так получилось, скажи – кто ты?

Несчастливая мать! Сможет ли она понять, поверить, что она старше её на семь веков!..

– А вы... уверены, что действительно хотите это знать? – Ирина, сдержав рыдания, пристально посмотрела в подёрнутые печалью, глаза матери.

После ещё одной паузы, мать Катарина с горечью произнесла:

– Ты права. Это только усилит моё горе. И может помешать мне помочь тебе. Ведь я обещала. Пусть только для себя – для себя я буду знать, что Беллы больше нет.

Но ты – ты в её теле – живи. Живи! Я... если можно так сказать, *разрешаю* тебе это.

Вот благословить – не могу. Всё же я – мать. Пусть благословит тот, кто помог тебе занять это тело, и сохранить ему жизнь. Но – не я. И ты поймёшь – это слишком тяжело для матери...

Но в другом ты права – для окружающих я не могу ставить под сомнение то, что ты – моя дочь. Это будет глупо. И несправедливо по отношению к тебе – я должна быть благодарна хотя бы за то, что ты сохранила это тело живым.

И поэтому я помогу тебе. Помогу спасти хотя бы эту телесную оболочку – моей дочери. Впрочем, – она вымучено и криво улыбнулась, – я думаю, ты и сама будешь стараться её беречь. Может, когда-то, в будущем, вы будете счастливы...

– Спасибо... спасибо вам! После всего происшедшего... Я и надеяться не смела, что вы... Так... Я благодарю вас!

– Не благодари. Во-первых, для матери естественно помочь своему ребёнку – это для окружающих. А во-вторых...

Во-вторых, для себя самой – это как бы тоже знак моей благодарности. Мой долг перед тобой – уже тобой. За то, что спасла его от позора казни, и позволила проститься с... хотя бы с телом моей дочки, а не сбежала, куда глаза глядят! Хотя, наверное, было страшно...

– О, да... Куда страшней, чем сам побег... – сквозь слёзы она попыталась улыбнуться.

– Всё верно, я – знаю... Ну, и немаловажно, что теперь ты – ты! – можешь хотя бы попытаться обелить наш род, наше доброе имя, и может, со временем, тебе удастся и...

– Вы... вы так спокойно об этом говорите! Вы знаете всё, но... Простите, Бога ради, но наверное, другая женщина на вашем месте... Ох! – она покачала головой.

– Что, закатила бы истерику? Или... ещё хуже? – не стесняйся, додумывай – спятила бы.

Возможно. Но у меня было почти двое суток, чтобы смириться, всё обдумать... Нет, вчера, конечно, мне было тяжелее... Ладно, в моём теперешнем положении, – она, мрачно усмехнувшись, оглядела себя, – чертовски мало найдётся вещей, способных меня... Хм. Шокировать.

– Так вы... парализованы?! – догадалась наконец Катарина.

– Да, уже пять лет. И здесь мой дар не помог мне.

– Какой дар? – Катарина, вспыхнув, вспомнила о своём выдуманном даре. Ну, выдуманный, невыдуманный, а освободиться помог... – Простите!..

– Нет, ничего. Я о том даре, за который здесь и сейчас сжигают на костре. Тот самый, что я получила от матери, а та – от своей. И тот, который почему-то не перешёл к Белле.

Этот дар позволяет быть сильной в самых трудных и опасных жизненных ситуациях, и не сдаваться никогда... Другая часть этого дара позволяет, как в открытой книге читать в сердцах и умах других людей, видеть их подлинные, самые сокровенные помыслы и желания.

Из-за этого дара я рано повзрослела, и разочаровалась в большинстве людей. Но он же позволил мне и выстоять, а позже – выбрать несколько верных и надёжных друзей, и в том числе и моего покойного мужа! Царствие ему, бедняге, Небесное...

Она помолчала, опустив взгляд, и, вновь подняв его, тише и спокойнее продолжила, подавшись несколько назад:

– Если бы он перешёл к моей... наверное, она бы сейчас сидела здесь, а не ты.

Но он не перешёл. К сожалению. Похоже, я – последняя носительница его в нашем роду. – женщина опустила, наконец, глаза, сложив руки на животе. Что-то поправила у себя на испачканной рубашке. Закусила губы, отпустила их. Затем снова, словно собравшись с силами, взглянула на Катарину, оценивающе и открыто.

– Судя по всему, похожий, хоть и не совсем такой, дар есть и у тебя. Я чувствую какой-то внутренний стержень. Твою волю к жизни. Ты... много страдала. Но ты не сломлена, как оказалась сломлена моя... – она всё-таки выговорила, – дочь. И ты немолода – это я тоже чувствую. Я думаю, ты где-то моего возраста. Я права?

– Да, мне за сорок.

– Всё правильно. Я могу видеть людей такими, какие они внутри. Например, – она показала головой, – я сказала Белле, что её муж – тряпка, и если она всё же выйдет за него, то рано или поздно окажется жертвой чужих интриг – он не сумеет её защитить или уберечь. Я оказалась права.

К сожалению.

Ты же – опытна и сильна. Сильна духом. Ты – боец. О, я вижу – ты умеешь сражаться... Сражаться отчаянней и лучше многих мужчин. В любой ситуации. Ты – точно, сильнее многих мужчин...

Именно поэтому ты *здесь*.

И именно поэтому я помогу тебе. Безмозглая размазня не удостоились бы моей помощи, но ты – другое дело... Впрочем, – как бы самой себе тихо напомнила она, – безмозглая размазня и не сидела бы сейчас передо мной...

Несмотря на критическую ситуацию, и ужасную спешку, Катарина молчала – она просто не знала, что сказать. Она, как ей казалось, ощущала всю тяжесть решений, которые уже приняла, зная, что всё кончено для души её настоящей дочери, эта мужественная женщина.

А как бы вела себя она сама? Смогла ли бороться в *такой* ситуации, окажись она на месте этой матери, лишённой не дочери даже – а куда страшней?!

– Вы... очень добры ко мне... – выдавила она из себя наконец, – И вы... сильно преувеличиваете мои... способности. И заслуги. Спасибо. – ей всё же пришлось отвернуться, чтобы скрыть вновь подступившие слёзы и острое чувство жалости.

– Нет, не жалею обо мне. И не думай больше ни о чём... постороннем. – снова деловой, спокойный тон. Всё же у её матери – железные нервы, – Принимай всё, словно ты действительно – моя дочь. Так будет лучше для нас обеих!

– Вы правы! Но всё равно – спасибо! Вы ведь и правда, вернули мне надежду!

– Хорошо, пусть так. А сейчас скажи – чем конкретно я могу помочь?

Внезапный переход к насущным проблемам отрезвил Катарину: мысли чётко заработали, сознание вернулось снова в эту светлую, затянутую узорчатым шёлком комнату в отчем доме, в Париже, всего в нескольких часах пути от мрачного, сырого подземелья. И, возможно, уже скачет всю погоня – погоня за ней, Ириной-Катариной, так как им не важно, кто она: в любом случае, попадать в их руки нельзя!

– Мне нужно надёжное убежище в каком-нибудь очень отдалённом месте, – потрянув головой, чтобы быстрее прийти в себя, и убрать мокрые волосы со лба, ответила она, – и лучше всего не во Франции, и не у родственников, или близких знакомых.

– Да, я поняла, о чём ты говоришь. Я ещё месяц назад обдумала такую возможность, на случай, если нам всё же удастся устроить твой... побег. Есть подходящее место и человек. Он не подведёт, и не выдаст никогда.

Это мой бывший возлюбленный, барон Карл фон Хорстман.

Он – настоящий мужчина. И друг. Надеюсь, он ещё помнит меня и жив. Во-всяком случае, в своём последнем письме он продолжал уверять меня в этом, и даже приглашал погостить в своём замке. Живёт он в Австрии – там он унаследовал поместье и замок отца, и сам он, разумеется, австриец. Однако здесь, во Франции, он провёл около шести довольно бурных и... весёлых, – она хитро усмехнулась, – лет. Так что французским он владеет в совершенстве. И в курсе – благодаря мне и ещё двум-трём друзьям – всех придворных интриг нашего королевства.

Если ты поживёшь у него с полгода, его это не сильно обременит, а догадаться, что ты там, не смогут – последний раз мы с ним встречались не меньше, чем лет... наверное, двадцать пять – тридцать назад. Подай мне перо и бумагу – они вон там в бюро, – она показала рукой, – и пока я буду писать ему, найди Пьера. Он должен быть у ворот – я слышала, как он открывал тебе. И Марию – это та женщина, что рыдала у тебя, – она выделила это слово, – на груди.

Пусть они оба собираются, и едут с тобой. Сейчас они самые надёжные и верные мои люди, а тебя они нянчили и баловали ещё в нашем старом имении, в Буа-Трасси. Только им я могу доверить мою дочь – то есть тебя! Потом, когда будут готовы, приведи их. Действуй, не мешкая!

Катарина бросилась к бюро – там лежала специально приспособленная подставка уже со всем необходимым для письма. Затем помогла матери – так она теперь её и ощущала (ещё бы, можно сказать, та подарила ей уже не слабую надежду, а почти уверенность в спасении!) сесть удобно. Силы и энергия вновь наполнили её новое тело. Вперёд! За дело!

Она стремительно двинулась к двери.

– Белла! – она обернулась на окрик, – мать покачала головой:

– Умойся! Не надо пугать слуг. Затем пусть Мария подберёт тебе мужской камзол и другие сапоги. И шляпу. Вода на кухне. Да, и меч этот отцепи – хотя бы на время.

Только сейчас она осознала, как по-дурацки, наверное, выглядит. Улыбнувшись сквозь всё ещё стоявшие в глазах слёзы, она расстегнула португепю, и бросила возле двери. Затем стянула тряпку, которая удерживала её волосы. Они рассыпались по плечам грязным, но всё же водопадом. Откинув голову назад, она встряхнула ею.

Как-то сразу появилось ощущение чего-то домашнего, спокойного и уютного, надёжного.

Ещё раз оглядев себя с головы до ног, она посмотрела на улыбающуюся мать, и впервые от души, и беззаботно рассмеялась, хоть и сквозь слёзы. Мать, перехватив её лучистый и уверенный взгляд, поусмехалась, качая головой, затем, не выдержав, засмеялась тоже:

– Поберегитесь, мужчины... Да и женщины тоже! Моя Белла вам спуска не даст!

12

Снова пыльная дорога – но уже не дорога в неизвестность, а путь к спасению, возвращение к жизни. Она сдерживала иногда рвущуюся наружу радостную улыбку изо всех сил. Теперь у неё есть конкретная цель, определённое место, где она сможет переждать опасные времена, и приспособиться к новой обстановке, жить в ней. Стать своей – современницей.

Поэтому Катарина с интересом осматривалась из-под широкополой шляпы с пером, затенявшей добрую половину её лица, стараясь вникнуть во всё, что встречалось на пути.

Они с Пьером ехали шагом, не торопясь, так что она могла не напрягаясь, полурасслаблено сидеть в седле, отдыхая после жуткой скачки на заре, и нервной встряски в отчем доме, просто рассматривая всё вокруг, и впитывая детали такой необычной и новой, но уже совсем не так пугающей жизни, своим чередом текущей вокруг.

Кажется, у неё появляется возможность и время приобщиться (тьфу-тьфу) -таки к этому миру, к этой реальности. К этой эпохе. Правда, судя по всему, работы предстоит много... И работы кропотливой.

Пьер не удивлялся её расспросам (спасибо матери) – похоже, он не удивлялся вообще ничему: так же невозмутимо, как, например, предложение взглянуть на облака, он воспринял приказ хозяйки сопровождать и защищать Катарину в её путешествии. Впрочем, возможно – он ведь был далеко не глуп! – он это предвидел.

Гораздо живей реагировала Мария. Когда Катарина, умывшись, привела их обоих в комнату старой графини, няня всё ещё не могла успокоиться, и только резкий оклик хозяйки заставил её, наконец, перестать восторженно восклицать, ворчать и поносить врагов «Беллочки», и выслушать приказ.

– Я выбрала только вас двоих, – продолжила свою мысль мать. Говорила она сильным, не терпящим возражений, голосом, – Подойдите же, и слушайте внимательно.

– Ещё ближе, – она несколько сбавила тон, – Вы оба знаете, какую участь уготовило так называемое королевское правосудие моей дочери, – она повела белой тонкой рукой в сторону Катарину, стоявшей тут же, рядом с ней, – и вы знаете цену этому правосудию.

Двое немолодых слуг кивнули – Пьер спокойно, Мария – много и возмущённо.

– Провидение не позволило свершиться расправе. Катарине удалось бежать.

Мы знаем, что она невиновна, но королевские слуги и ищейки будут продолжать пытаться поймать её и казнить. И закон пока на их стороне. Поэтому подумайте, прежде чем ответить. Готовы ли вы помочь моей дочери, моей Белле, скрыться от этого закона, и спасти ей жизнь? – пронзительный взгляд переходил с Марии на Пьера и обратно.

Первой, едва прозвучал вопрос, откликнулась Мария, от волнения она даже глотала слова:

– Да, да, тысячу раз – да! Конечно! Да чтоб их там всех разорвало, этих негодяев, подлых тварей! За нашу Беллочку уж я бы им!.. Их поганые глотки бы!.. Да хоть в самое пекло их – мерзавцев надутых! Видала я их Закон в ... Ох, простите, сударыня – вырвалось! А за Беллочку – я... Сударыня, я – вся – вся, до кончиков пальцев! – принадлежу вам! Вам и – Беллочке!

Прикажете – и хоть на край света! Всё-всё, что в моих силах... Да, всё сделаю! И ни перед чем не остановлюсь! Так и знайте – ни перед чем!..

Пьер, когда поток красноречия иссяк, или, скорее, прервался из-за переполнявших няню эмоций, и все трое повернулись к нему, просто и твёрдо сказал:

– Да.

Было в этом «да» что-то от незыблемости утёса, чего не передать никакими словами, но что безошибочно ощущается в такие моменты.

Катарине сразу стало легче дышать, и мир из какой-то чёрно-белой схемы снова стал цветным и объёмным.

Ведь как бы ни был человек уверен в себе и своих силах, ему всегда легче, когда рядом плечо друга, рука надёжного напарника, на которого можно безоглядно опереться и рассчитывать в любой ситуации. А в её случае необходимость в помощи и поддержке невозможно переоценить!

Помолчав, и как-то странно притронувшись батистовым платком к глазам, графиня выдохнула словно бы мешавший ей воздух. Гораздо теплей и мягче она сказала:

– Спасибо, дорогие мои. Я ни минуты не сомневалась в вас. И только вам я могу доверить спасение моей дочери. Подойдите ещё ближе. Ещё. – она жестом приблизила их почти к изголовью, и заговорила шёпотом, – Слушайте внимательно! И об этом – никому! И – никогда. – она перевела дух, и как бы через силу, продолжила:

– Тюрьма и суд не прошли для нашей Беллы даром. От пережитого у неё немного... повредилась память. Она многое – даже слишком многое, забыла. Я рассчитываю на вас. И если она что-то будет спрашивать, даже такое, что вы знаете, она должна знать, – не удивляйтесь. Просто расскажите, ответьте ей. А если переспросит – расскажите ещё раз. И – никому об этом

ни слова. – она грозно сверкнула очами, – Впрочем, я надеюсь, что на свежем воздухе и на свободе её память быстро восстановится. А вы – помогите.

Мария, чтоб не высказаться вслух, прихлопнула рот рукой, впрочем, все эмоции как всегда были написаны на её лице. Пьер же просто кивнул.

– Теперь – о деле. – ещё тише продолжила графиня, – Сейчас я дам вам денег – всем троим. Если с кем-то что-то случится, остальные смогут продолжить путь. Да, вам предстоит долгое путешествие. И опасное. Ваша конечная цель известна пока только Белле, но когда вы будете достаточно далеко от Парижа, она скажет вам, куда вы держите путь. Тогда и решите, как лучше ехать, чтобы сбить королевских ищек со следа.

Дороги наши небезопасны. Поэтому хорошо вооружитесь, так как вам нельзя ехать с попутчиками. Возможно тебе, Мария, лучше тоже переодеться в мужское платье.

Нет, попутчики вам точно не нужны. Вы не сможете сохранять инкогнито, и такой – она скептически кивнула в сторону Катарина, – маскарад наверняка будет замечен, и вызовет подозрения. Избегайте больших компаний путников, но – двигайтесь всё же днём. Ночами – вызовет подозрение уже наверняка...

Ехать, конечно, придётся не самыми короткими и не самыми людными дорогами. Поезжайте маленькими городками и деревушками – там всегда можно найти не одну просёлочную дорогу. Но я бы посоветовала иногда заезжать и в города – когда много народа, приезжие не так бросаются в глаза. Ладно, со всем этим вы разберётесь уже в пути. Сами.

Она помолчала, словно собираясь с мыслями, или что-то ещё вспоминая:

– Отсюда вы уедете порознь. Вначале – вы, – она указала на Пьера и Катарину, – Пьер, ни на шаг не отходи от Беллы. Тебе, Мария, придётся ехать с тем мужчиной, который помог ей освободиться. Встретитесь вечером, в местечке Мэ, в гостинице. Ну, в той, в которой мы останавливались в позапрошлом году – вы оба должны её помнить.

Под её требовательным взглядом оба быстро кивнули.

– Прекрасно. Вы, Мария, выезжаете из города через ворота Ле-Блан-Мениль, а вы – взгляд на Пьера, – через ворота Монтрей. Думаю, часам к трём, или раньше, вы до Мэ доберётесь. Что вам делать дальше, решите сами. Францию вы, по-крайней мере, Пьер, – снова подтверждающий кивок, – знаете прекрасно.

Далее. Путешествовать под собственным именем Белла, конечно, не может.

Поэтому она будет баронесса Бланка де Вильнев, дочь Шарля де Вильнев. Ты, Мария, должна её помнить – она внешне немного похожа на Беллу. А главное – сейчас она живёт с мужем во Флоренции, так что мы можем смело воспользоваться её именем – ей это не повредит. Но это, разумеется, в том случае, если Белла будет уже в женском платье. Впрочем, когда его одевать, и одевать ли – решайте сами, по обстоятельствам. Какие имена выберете вы оба себе – значения не имеет, тем более, что вам лучше менять их почаще. Хоть каждый день. Тебе, Мария, лучше взять какое-нибудь дворянское... Ты должна справиться. – графиня немного криво улыбнулась, чуть хмыкнув.

– Много вещей сейчас не берите – только то, что влезет в седельные сумки. Купите потом всё, что понадобится, по дороге. И вот еще что. Мария! Старайся поменьше говорить. Шумная, ярко одетая компания всегда запоминается людям. Вас же никто запомнить не должен.

Мария покраснела, побледнела, раскрыла было возмущенно рот... Но потом, замахав руками, прикрыла его ладошками, не сказав ни слова.

О, отлично! Катарина не могла не улыбнуться.

Старая графиня с трудом потянулась, и из-за резного изголовья кровати достала небольшой изящный ларец. Отперла его крошечным ключиком, висевшим на тонкой цепочке на её белой, и всё ещё прекрасной, шее. Оттуда она извлекла пачку бумаг, которые, впрочем, тут же сунула обратно, и ещё три кошель – два поменьше, и один побольше.

Похоже, к её побегу и впрямь всё было готово заранее, отметила про себя Катарина.

Кошели поменьше графиня протянула Пьеру и Марии:

– Вот деньги. К сожалению, их не так много, как хотелось бы, но на ваше путешествие должно хватить. Расходуйте бережно, не привлекайте внимания, покупайте то, что понадобится, в разных местах.

Они с глубокими поклонами приняли кошели, и тут же спрятали: Пьер в карман штанов, Мария – где-то в складках своей необъятной юбки.

– Всё. Идите, заканчивайте сборы. На это у вас не больше десяти минут. Мы и так очень задержались. Пьер, снаряжение лошадей теперь на тебе. Белла права – вам понадобится четыре – одна для багажа, который появится позже. Пока пусть на ней едет тот офицер...

Мария, в мужчину пока не переодевайся. Времени нет. Пришлешь ко мне Эделину – я должна сделать кое-какие распоряжения. Да, и никому из домашних – ни слова. Для всех, и тех, кто узнал, и тех, кто не узнал Беллу, вы едете за деньгами, к нашему ростовщику Барецци. Благо, он живёт достаточно далеко – в Сен-Клу. Ну, ступайте, – она устало кивнула, – Удачи вам. Берегите Беллу! Прощайте!

– Прощайте, сударыня! – сквозь рыдания произнесла несчастная няня, – Да охранит вас Пресвятая Богородица! А вы уж не сомневайтесь – мы Беллочку в обиду не дадим – всё сделаем! Прощайте, прощайте! – утирая слёзы передником, она резко повернулась, и кинулась вон из комнаты, даже забыв поклониться. Дверь за ней захлопнулась. Пьер, прежде, чем повернуться, медленно и как-то задумчиво, произнёс:

– Прощайте, сударыня. Вы были нам хорошей хозяйкой. За Беллу – не переживайте. Доведем, куда надо. Всё будет хорошо. – неловко поклонившись, он быстро вышел.

Как только дверь закрылась, Катарина повернулась к матери. Та молчала, и продолжала отрешённо смотреть на закрытую дверь.

Должно быть это ужасно – отрывать от себя... Да, как бы кусок своей жизни.

И, судя по-всему, счастливой жизни. Ведь эта женщина знает, что ждёт её впереди – допросы, обыски, возможно, какие-то репрессии... А она – инвалид. Ужасно.

Но всё же она так спокойно держалась только что. Всё сделала для неё, а она – даже не её дочь... Не настоящая дочь. Но вот зато графиня – теперь её настоящая мать. Она даёт ей вторую жизнь, надежду, помощников, средства...

Почему? За что?

Обуреваемая этими и ещё многими другими мыслями, Катарина медленно опустилась на колени и взяла обеими руками руку матери – такую вялую и бессильную, в отличии от неукротимого духа её хозяйки.

– Спасибо... Мама! – рыдания, вновь нахлынув, не дали ей продолжить.

– Не за что... Дочь, – печально и задумчиво ответила та, другой рукой нежно проводя по её волосам. Казалось, всплеск кипучей энергии выкачал из неё все силы, хотя Катарина была уверена, что это не так, – Я только выполняю свой долг. На то и матери – чтобы выручать неразумных детей из беды...

Горькая улыбка слегка тронула её губы, и она повернулась к окну, в которое уже вовсю било яркое утреннее солнце. Снова повернувшись к Катарине, она прошептала:

– Береги себя. И – послушайся меня: не пытайся отомстить за Беллу. Я вижу в тебе жажду отмщения и злость. Ничего этого не нужно. Запомни: зло порождает только зло.

Просто живи, и радуйся жизни. Ведь теперь ты молода и сильна.

Найди себе настоящего мужчину. Постарайся родить ему детей. Может, хоть теперь тебе это удастся... А сюда не возвращайся – это слишком... Тяжело для меня.

Теперь вот ещё что. Если по каким-то причинам Карл не сможет вас принять, понадобится запасной вариант. В Шотландии, под Эдинбургом, в замке Каслрок, живёт мой дальний родственник – Эдгар МакАллистер. Он глава рода, или как это там у них называется... Не помню точно. К сожалению, связь мы не поддерживаем, и не могу тебе сказать – жив ли он

ещё. Он в довольно преклонных годах. Но его дети помогут... если что. Хотя, конечно, жить там не советую – климат отвратительный.

Да, жить тебе лучше всего в Италии. Придумаешь себе какое-нибудь имя, или выйдешь замуж, и осядешь в одном из их карликовых городов-государств. Они там так увлечены своей борьбой за свободу и независимость, что ничем другим не интересуются. Впрочем, ты женщина самостоятельная. Приглядишься – решишь всё сама.

Вот, возьми это, – она вложила тяжёлый кошель в руку Катарини, – Здесь только золото.

Теперь возьми и это, – она достала из-под подушки сложенный пергамент и маленький лёгкий свёрток из плотной ткани, – спрячь и храни на себе. Это письмо Карлу и драгоценные камни – для тебя. При крайней необходимости – продашь.

– Я... Спасибо... Благодарю вас за всё, – глухо произнесла Катарина, утирая слёзы, снова делавшие окружающий мир нерезким и расплывчатым. Собой она уже овладела.

– Ну, иди, переодевайся. Тебе предстоит долгий путь.

Всё же, уходя, она хорошо разглядела странную улыбку, игравшую на устах графини, и сказала то, чего раньше никому вслух не говорила:

– Храни вас Господь!

13

Сборы не заняли много времени – она просто переобулась в сапоги, на этот раз почти своего размера, и сменила военный камзол на другой – добротный, коричневый, из новой, приятно пахнущей мягкой кожи, которые ей приготовила Мария. Волосы, снова подвязав их, она спрятала на этот раз под широкополой, явно модной и дорогой шляпой.

На своё умытое лицо, она, подумав, всё же нанесла маленькие чёрные усики – для этого ей пришлось подержать свечу под медной плоской – для получения сажи.

Здесь, в отдельной комнате, в которую её привела Мария, в её распоряжении было большое, хоть и мутноватое зеркало. И, конечно, она не удержалась, чтобы хоть в общих чертах не рассмотреть себя.

Она с радостью отметила, что фигура у неё действительно, по меркам любых эпох, просто божественна: пропорциональна, стройна. Упругая высокая грудь. Тонкая гибкая талия. Крутые, пожалуй, чуть тяжеловатые, бёдра. Длинные мускулистые ноги с хорошими коленками. (Рубенсу такие и не снились!) Маленькие, изящные ступни. Длинная белая шея.

Против таких аргументов, конечно, мужчинам не устоять. Хотя на первом этапе ей на это рассчитывать не приходится – нужно самой изображать мужчину. С такими данными это, пожалуй, трудновато... Ничего, она справится.

Лицо, даже с нанесёнными усами, тоже не подкачало. Правильные, приятные черты. Высокий лоб, тонкий нос, чувственные полноватые губы... Вот только подбородок маловат. Ерунда, можно подправить нарисованной бородкой. Потом когда-нибудь.

Лицо-то лицом, но вот повернувшись от зеркала, она поняла, что совершенно его не запомнила. Разве что горящие лихорадочным возбуждением огромные ярко-зелёные глаза под чёрными, как смоль, изящно изогнутыми бровями. (А вот их – лучше прикрывать! Хотя бы шляпой.)

Ладно, ещё будет время изучить себя, любимую, более внимательно.

Скатав поплотнее форменный военный камзол, она затолкала его, сапоги и шлем в мешок. Португеею и меч снова нацепила на себя. Дворяне и знать, как она заметила, без оружия не ходят и не ездят.

Резко открыв дверь, она нос к носу столкнулась с молодой красивой блондинкой.

Та стояла прямо перед ней, сцепив побелевшие руки на маленькой, тощей груди. Глаза её горели ещё сильнее, чем у Катарини, нервная дрожь пробежала по всему телу. И вообще, нездоровое, злобное напряжение, некая экзальтация девушки ощущалось почти физически.

После секундного колебания, она вдруг сощурилась, и кинулась к Катарине, схватив её своими маленькими цепкими руками за плечи. Из одежды на ней была лишь тонкая батистовая ночная рубашка, поэтому выглядела девушка хрупкой и нескладной. Ростом она не достигала Катарине и до плеча, поэтому ей пришлось сильно задирать голову. Она заговорила. Вернее, закричала.

Брызги слюны разлетались из её кривящегося рта во все стороны:

– Прости, прости меня, ради Бога! Катарина! Выслушай, умоляю! – она задохнулась, – Я подслушивала! Я знаю – ты уезжаешь! – она судорожно сглотнула, задрожала.

– О, я чувствую, я чувствую – мы не увидимся больше никогда! Я была так несчастна, так одинока! Я – идиотка! Ну пожалуйста, прости! Пожалей меня! Скажи, что прощаешь!..

Я... Я не хотела! Всё вышло случайно! Ну скажи – скажи же, что прощаешь меня!..

Она настойчиво и сильно трясла Катарину за предплечья, глаза разгорались всё ярче. Она что-то ещё несвязно выкрикивала, но смысл был тот же – простить её.

Внимательно взглядевшись, Катарина заметила пену, которая начала скапливаться в уголках рта девушки. Потные горячие руки и озноб сказали ей остальное о её болезни. Она огляделась – ничего подходящего в коридоре не было.

То, что перед ней Вероника де Пуассон, сестра её ныне покойного мужа, она поняла практически мгновенно. То, что та, похоже, виновата в чём-то плохом, додуматься тоже было нетрудно. И то, что сейчас с ней случится припадок, она тоже знала – по достаточно богатому опыту обращения с эпилептиками.

Предотвратить то, что сейчас случится – невозможно.

Звать на помощь? Это значит – привлекать к сугубо семейным делам посторонних, и терять напрасно время: местные врачи тоже ничем не помогут – нет лекарств. Ничего, она справится и сама!

Схватив Веронику, которая уже сотрясалась всем телом, в охапку, она затащила её назад, в комнату где переодевалась, положила прямо на толстый ковёр на бок, и быстро схватив с трюмо костяной гребень, засунула между зубов несчастной, придерживая одной рукой его, а другой – сотрясающееся тело, не давая ему завалиться на спину.

Судороги, бившие тело девушки, вначале усилились, но вскоре ослабели и прошли.

Вытаращенные остекленевшие глаза закрылись, дыхание выровнялось. Вынув гребень изо рта и утерев пену, она бросила гребень тут же на полу, и, убедившись, что лежащая на боку без сознания женщина не задохнётся, Катарина быстро выбежала из комнаты.

Постучав, она снова вбежала в комнату матери. Та была с Эделиной – крупной неповоротливой женщиной с простым деревенским лицом. Катарина промолчала, сделав матери знак бровями. Объяснить дважды не пришлось – мать поняла сразу:

– Эделина, оставь нас. Придёшь позже – когда я освобожусь.

Когда дверь закрылась за удивлённо посмотревшей на Катарину в мужском обличи женщиной, она, подойдя вплотную к постели, вполголоса сказала:

– Мама, там с Вероникой опять припадок. Он закончился, и я оставила её на полу в моей комнате.

Старая графиня, ничем не выдавая своих эмоций, спокойно сказала:

– Да, я слышала. Ни о чём не беспокойся, быстрее уезжай. Я распорядюсь, чтоб о ней позаботились.

– Хорошо! – уже повернувшись, и сделав шаг к двери, она всё же решила – развернулась опять к матери и спросила всё так же вполголоса:

– За что она просила у меня прощения?

Впервые она увидела, что графиня чем-то смущена. Она явно колебалась, думая, что ответить. Но глаз, однако, пожилая женщина не опустила и не отвела. Наконец она, словно преодолев колебания, понимая, *кто* сейчас перед ней, произнесла:

– Это она донесла на тебя. Только представила всё дело так, словно покушение планировалось не на его высокопреосвященство, а на короля. А позже, под угрозой пыток ты – ну, то есть ты *та* (она кивнула головой назад) – призналась сама.

– И после этого вы... живёте с ней под одной крышей?!

Графиня вздохнула, печально покачав красивой головой:

– Она больна. У неё не осталось родных и близких. У неё не осталось дома – вспомни, он конфискован. – посмотрев на Катарину чуть наклонив голову, и уже с хитрецей, она продолжила, – Кроме того, пока она здесь, я могу её хоть как-то контролировать. И вовремя нейтрализовать все глупенькие или коварненькие подлые мыслишки, которые приходят в её маленькую головку. Надеюсь, теперь от неё вреда будет... немного.

Не беспокойся, я позабочусь о ней. Ты же – позаботься о... себе. Прощай.

– Прощайте! – она кивнула, – Ещё раз – спасибо! Я – позабочусь!

Не желая, чтобы эта многострадальная, но такая терпимая и терпеливая благородная и умная женщина прочла всю ту бурю эмоций, что разразилась сейчас в её такой обычно прагматичной душе, и ярко читавшейся сейчас на лице, она, круто повернувшись, кинулась к двери, и, захлопнув её и подхватив с пола свой мешок, понеслась вниз – вниз, к лошадям, к Пьеру, к Марии, к свободе.

Никогда, никогда не вернётся она сюда – в этот странный дом с его семейными тайнами, страшными болезнями, кодексом чести и загадочными способностями родовитых хозяев, благородством и предательством! Это – прошлое.

Но – не её прошлое!

А она, как сказала мать, да и как подсказывает её сердце – должна строить своё будущее. Искать свою судьбу, свой дом и своего... Да, наверное, мужа!

Она, конечно, не будет мстить золовке – это мелко и глупо. Ну, а что касается его высокопреосвященства – она совсем не уверена...

Время покажет. Должен же кто-то ответить за смерть мужчины, с которым она прожила четырнадцать беззаботных лет, за муки её больной матери, за суд, тюрьму, и несложившуюся судьбу Беллы!

Уезжая, она не оглядывалась.

14

Естественно, как она ни старалась, многие её вопросы не могли не показаться Пьеру странными. Настоящая Катарина их вряд ли когда задала бы. Но нужно отдать ему должное: не проявляя никак своего удивления, он невозмутимо отвечал на все. Да и она всё-таки старалась как могла, не переигрывать, и держаться легенды, которую дала старая графиня.

Ну, память отшибло! Ну, от волнений! (А кто бы в такой ситуации не волновался?!) Бывает, ничего страшного! От таких потрясений не то, что память может сдать – а у иных и рассудок. Хотя, с последним, вроде, (опять – тьфу-тьфу) – порядок.

На сборы, прощание и сцену с Вероникой ушло, кажется, больше часа – такой роскоши она не должна была себе позволять. Однако им повезло – погони пока не было. Поэтому дав опять указания Марии, как обращаться с Пуленом, и приказав тому ещё раз повиноваться Марии во всём, они, разделившись, спокойно покинули Париж через разные ворота.

Никто им не препятствовал, и интереса они ни у кого не вызвали. На экзотику Парижа она теперь глядела вполглаза, да и то – с той точки зрения, нет ли ищущих её стражников...

Лошади из конюшни графини, конечно, оказались гораздо лучше армейских.

В них сразу чувствовалась спокойная сила и выносливость. Теперь она могла наслаждаться путешествием, и смело смотреть по сторонам, что она, собственно, и делала, наблюдая за людьми, и подмечая интересные детали средневекового сельского быта.

Кое-что всё же причиняло некоторые неудобства – отбитая во время бешеной скачки об неудобное жёсткое седло задняя часть тела... побаливала. Несмотря на её приятную упругость и выдающуюся форму, она не совсем хорошо справилась с ролью амортизатора.

Ну, ничего – скоро умение правильно сидеть на лошади войдёт в привычку, и этот навык будет работать автоматически.

Поездка заняла около пяти часов. Чтоб не привлекать излишнего внимания, они ехали не торопясь. На условленное место встречи добрались вторыми – Мария и Пулен уже ждали их в небольшой таверне, второй этаж которой служил гостиницей.

Впрочем, как могла позже заметить Катарина, планировка таких заведений была почти стандартной, и разница состояла только в размере дома, и качестве обслуживания.

Они с Пьером, привязав коней к коновязи, так как не собирались здесь задерживаться, вошли в тёмный большой зал, занимавший весь первый этаж, и спокойно подсади к своим компаньонам за грубый и ужасно замызганный стол возле окна.

Она приветствовала сидевших, словно случайных знакомых, и тихо попросила Пьера заказать что-нибудь выпить – от дорожной пыли и жаркого солнца её мучила сильная жажда, да и сам Пьер наверняка был не прочь промочить горло.

Пьер крикнул хозяину, стоявшему тут же за стойкой, и не без интереса поглядывавшего в их сторону, чтобы подали вина. Перед Пуленом и Марией уже стояли наполовину опорожнённые кружки.

– Как добрались? – язык у Марии явно чесался, но при посторонних ей было неудобно, и она сдерживалась изо всех сил, изображая вежливое равнодушие. Не очень-то хорошо у неё это получалось, и Катарина грозно сверкнула на неё очами, и нахмурила брови.

Няня тотчас откинулась назад, и вздохнув, постаралась принять расслабленную позу отдыхающего путешественника, которому, собственно, всё – всё равно.

– Спасибо, благополучно, – она вежливо улыбнулась, стараясь придать голосу больше мужественности, но не понижая его (заговорщики всегда запоминаются), – А вы?

– Тоже неплохо, спасибо! – и, уже тише, – Ну и спутничка вы мне подсунили, су... дарь! – няня, хоть и фыркала от переполнявших её чувств, о конспирации старалась не забывать, – Из него же и слова не вытянешь! И ехать с ним!.. Прикажешь двигаться шагом – едет. Забудешь приказать остановиться, или повернуть – так и будет ехать, хоть до Франкфурта-на-Майне! Ну и намучилась я! Ведь неприлично женщине приказывать солдату! Да и люди косятся – мы всё-таки странная парочка!..

– Да, тут ты права, – слегка усмехнувшись, признала Катарина, – задача тебе выпала нелёгкая. Ничего, мы это исправим!

– Да уж, пожалуйста, а то такой поездочки у меня отродясь не бывало! А уж поговорить – всё равно как с живой статуей!

Катарина рассмеялась, представив, как няня что-то рассказывает Пулену...

Мария, всё ещё отдуваясь от распивавшего возмущения, и укоризненно взглянув на неё, принялась за Пьера – как дорога, как лошади, как выехали из города, и прошло всё остальное?

Пьер отвечал невозмутимо. Катарина, воспользовавшись передышкой, расслаблено откинулась на скамье, наблюдая за Пуленом и окружающими людьми. Пулен молча смотрел на свою кружку. Пьер поглядывал в окно, на лошадей, и на хозяина, ожидая, пока подадут вино.

Напиток, принесённый расторопной пухленькой девицей с раскрасневшимися щеками, оказался очень неплох – особенно после пяти часов пекла и пыли. Девица, впрочем, тоже была прехорошенькая. Катарина не удержалась, чтоб не положить нежно ладонь на приятно оттопыренный задок, за что и получила отповедь, впрочем, не слишком суровую – девица, судя по

всему, привыкла, что посетители правильно реагируют на её формы, и была явно довольна: ну как же, очередной клиент покорён!

Взгляды, которыми наградили её няня и Пьер, были весьма своеобразными. Впрочем, от комментариев они воздержались. Катарина же чувствовала, что ведёт себя вполне... в стиле. Опасней было бы сидеть как мумия – вот Пулен наверняка вызывал подозрения. Ничего, разберёмся.

Она с удовольствием сделала несколько больших глотков, отдуваясь, и стараясь не смывать усы. По вкусу вино напоминало грузинские столовые вина, но гораздо слабее, и в то же время ароматнее. Пьер просто запрокинул голову, и отпил сразу половину своей кружки.

Пока они пили, Мария молчала, видно всё ещё переваривая странный поступок Катарини. Или думая, как же им быть дальше.

Катарина тоже не торопилась заводить беседу. Напившись, она решила, наконец, оглядеться получше, уже не боясь привлечь чьё-нибудь излишнее внимание.

Место встречи было выбрано удачно. Таверна, или трактир (она и позже с трудом понимала, в чём тут тонкое различие) располагался в стороне от главной дороги, и народу было немного: компания из пяти мужчин – явно коммерсантов – спокойно обедала за столом в углу, и появление ещё двоих в меру пропылённых путников их не заинтересовало. Они, не прерывая трапезы, спокойно обсуждали поставки какой-то особо ценной материи, и тонкости её закупки во Фландрии, осложнившейся в связи с войной.

Тесный кружок из нескольких местных завсегдатаев, уже явно отдавших должное вину хозяина, приглядывался к ним гораздо внимательней, однако уже через несколько минут, не высмотрев ничего для себя интересного, вернулся к своим кружкам, и видам на урожай, всё той же войне с Фландрией, и местным сплетням.

Единственное опасение вызывали два монаха, которые ничего не пили, зато жадно ели из дымящейся миски прямо руками, иногда посверкивая глазами из-под своих кустистых бровей в их сторону. Однако на осторожный вопрос Мария ответила, что монахи уже были здесь, когда они с Пуленом прибыли, и тоже ели, но что-то жидкое – очевидно, суп.

Сам трактир представлял из себя крепкое, сооружённое на века, и, похоже, простоявшее не одно десятилетие, насквозь пропитанное запахом дыма, пота, еды и вина, двухэтажное здание. Лестница на второй этаж находилась здесь же, в огромном зале, занимавшем фактически весь первый этаж. Наверху виднелась огороженная перилами галерея, и коридоры, уводившие в глубину здания – к номерам. Возможно, кто-то и жил там сейчас, но за всё последующее время Катарина не видела ни одного спускавшегося или поднимавшегося постояльца.

Деревянные столбы, что поддерживали могучие, грубо отёсанные балки перекрытия, от времени и копоти светильников стали совсем чёрными, потолок тоже белизной не отличался. Во всём чувствовалась добротность и капитальность, принесённая в жертву изяществу и чистоте – даже в тяжёлых лавках и столах, сколоченных из дубовых, толщиной дюйма в три, уже покоробленных досок. К потолку на цепях были действительно подвешены колёса от телег с негорящими пока светильниками – масляными плошками.

Совсем как в исторических фильмах. Конечно, света такие «люстры» вряд ли давали много... Но и сейчас послеполуденный полурассеянный свет, проникавший внутрь сквозь открытую дверь и распахнутые настежь окна, не слишком-то хорошо позволял рассмотреть всё и всех.

Тем лучше – их тоже видно не слишком подробно.

Она обратила внимание на то, что в окнах не было стёкол – наверное, получение стекла связано с проблемами, или стоили они дорого. На ночь такие окна закрывались мощными ставнями – снаружи не откроешь. Что ж. Разумно – мало ли кто захочет непрошено забраться в такое заведение.

Ну вот и ещё одно подтверждение того, что особенно расслабляться не придётся.

Да она, собственно, и не рассчитывала...

Так как это был первый трактир, в который они зашли, она запомнила его обстановку очень хорошо. Все прочие, и весьма многочисленные подобные заведения, которые им пришлось посетить в своём долгом путешествии, просто смешались в её памяти во что-то среднее, безликое, не запомнившееся ничем оригинальным. Впрочем, разве мелкие гостиницы, столовые и рестораны её времени лучше?

Посидев, посмотрев, подумав, и убедившись, что всё тихо, чинно и спокойно, она предложила Пьеру и Марии пообедать прямо здесь. Мария согласилась сразу. Пьер, поколебавшись пару секунд, и зыркнув подозрительно на монахов, тоже.

Подозвали давешнюю девицу, точившую за массивной стойкой ляды с таким же толстеньким хозяином. Пьер заказал обед: жареное мясо с соусом, тушёные овощи, паштет, хлеб, сыр, вино (разумеется, запивать-то надо!), и что-то ещё – Катарина не поняла, что именно, но вполне оценила вкус, когда минут через десять всё это было принесено и поставлено перед ними в глиняных и деревянных мисках. И, отдельно, на огромном блюде – дымящееся ароматное мясо. Без всякой химии. Объеденье!

Подходила теперь к их столу девица со стороны Пьера – он не строил ей глазки.

Ели деревянными ложками, или прямо руками. Пулен ел с совершенно каменным выражением лица, и сделать с этим что-либо пока было нереально. Она старалась лишний раз не обращаться к нему, чтоб не привлекать излишнего внимания.

Зато сама Катарина причмокивала и отдувалась за двоих. Первая трапеза на свободе не разочаровала её. Еда оказалась вкусной, и очень питательной. Во всяком случае, она насытилась быстро. А если учесть, что после тюремной каши у неё целые сутки маковой росинки во рту не было, она опасалась, как бы не переест. Расстройство желудка от обжорства сейчас было бы совсем некстати.

Она откинулась назад, и утерев губы тыльной стороной ладони, (осторожно – усы!..) с наслаждением потянулась, похрустев немного затёкшими во время поездки, суставами. Впрочем, и спине и плечам не помешал бы хороший массаж – всё ныло с непривычки к седлу.

А ведь предаваться перевариванию пищи нельзя – ей предстоит нелёгкая работа.

Нужно, наконец, освободить Пулена. Свою роль он честно (хотя и не совсем добровольно) выполнил, и сейчас им лишний свидетель ни к чему.

Наклонившись к Пьеру, она попросила его договориться с хозяином о комнате на одну ночь для одного человека, и сразу расплатиться за неё. Всё прошло быстро, особенно уплата денег, и вот уже все та же расторопная толстушка, с наигранной опаской косящаяся назад и вниз, ведёт их с Пуленом вверх по скрипучей лестнице.

Комнатка не блистала роскошью обстановки и размером. Почти половину её скромных восьми квадратных метров занимала скрипучая деревянная кровать с тощенькой периной, набитой, судя по торчащим прутьям, соломой. Дополняли интерьер маленький стол и табурет, шкаф заменяли несколько крючьев в дощатой стене.

Убедившись, что девица спустилась вниз, она осмотрела дверь – та запиралась изнутри на щеколду и примитивный замок, ключ торчал снаружи. Она вынула его.

Плотно прикрыла дверь. Закрылась на щеколду. Ключ вставила уже с этой стороны двери. Подойдя к своему всё такому же безучастному ко всему происходящему и окружающему, сообщнику, она приказала ему сесть, а затем и лечь на кровать. Себе она придвинула табурет. Настало время побеспокоиться о судьбе этого несчастного. Хоть он и помогал ей не по своей воле, но всё же – помогал...

Теперь она могла рассмотреть его без помех.

Бравый комендант сильно сдал – черты лица как-то заострились, под глазами появились мешки. Гордая осанка пропала, костюм насквозь пропитался потом и пылью. Что-то вроде жалости давно грызло Катарину. Нельзя допустить его ареста, или гибели из-за неё. Ведь вряд

ли его оправдывает то, что он был под гипнозом. Гипноз здесь неизвестен. А если и известен, то только как один из аспектов всё того же колдовства. Что ещё хуже: как бы беднягу не сожгли.

Да уж, наверняка несчастного офицера признают её сообщником, и накажут.

Возвращаться в Понтуаз, на старую должность, ему никоим образом нельзя. Нужно обеспечить бывшему коменданту новую работу. Желательно, по специальности. И подальше.

И новое имя.

Она давно держала в голове разговоры о войне. Что ж. Вполне приемлемо. Кадровые наёмники нужны везде и всем.

Сейчас она обдумывает эту мысль. А пока она дозревает, поработаем-ка на себя. Когда ещё она будет иметь такой правдивый источник информации?

– Расскажи мне, дорогой комендант, то, что я хочу знать о...

Около получаса она расспрашивала его: в-основном о своих родственниках, друзьях, землях и домах. Так же её очень интересовали обстоятельства смерти мужа, и его родственники и связи (здесь было почти пусто: похоже, близких с этой стороны не осталось – кроме горячо любимой Вероники).

Узнала она не так много, но в целом это подтверждало уже имеющуюся твёрдую убеждённость: дело против неё сфабриковано, но высокородные и высокопоставленные недруги не дали ей возможности оправдаться. Правда, первопричиной явилась не любовная интрижка, как она вначале думала, а что-то более сложное и серьёзное, связанное, скорее всего с борьбой за власть и деньги. Большой же Политикой, к счастью, вроде, не пахло.

Конечно, такой скромный винтик в государственной машине, да ещё оторванный от двора, как комендант тюрьмы, мало что мог ей объяснить в скрытых пружинах и верёвочках придворных интриг, но слухи, ходившие среди обывателей тоже были ей полезны. Она вытянула из него всё, что он знал, слышал, или предполагал.

Самым подозрительным моментом в этом деле, разумеется, оказалась гибель её мужа: будучи навеселе, он, наступив неудачно в лужу вина, якобы упал с лестницы и сломал себе шею...

Однако при внимательном осмотре его тела обнаружили довольно странные синюшные пятна, да и запах изо рта был весьма подозрителен – всё указывало на яд. Источник: лекарь его высокопреосвященства, в приватной беседе с любовницей, причём в сильно нетрезвом виде. Кстати, лекарь тоже... уже умер. Его подкосила внезапная... болезнь головы. В которой вдруг как-то поутру обнаружилась странная дырка...

Главное же, что она уяснила чётко: то, что она – в смысле, настоящая Катарина – обладала-таки некоей очень важной информацией, или документами, могущими сильно навредить его высокопреосвященству, и так и не сказала, судя по-всему, где хранятся эти документы (впрочем, в случае её смерти, похоже, до документов не добраться, и, следовательно, его высокопреосвященство этот вариант тоже устраивал!).

Ну а теперь... Теперь он точно постарается заткнуть ей рот, не останавливаясь ни перед чем. Ведь он не знает, что с этой стороны ему уже ничто не грозит.

Выяснить, в чём соль интриги, теперешняя Катарина сможет не скоро. Но выяснить придётся. Назовём то, что она сейчас делает, тактическим отступлением.

Пусть враг успокоится.

Но не она. Несмотря на просьбу матери, и то, что дело, вроде, не её, холодная ярость и жажда мести горели в её груди спокойным, но неугасимым огнём. Пусть сейчас она вынуждена на время покинуть сцену, на которой разыгрывается эта драма, но она ещё вернётся – в следующих действиях. Всеми своё время. Она терпелива.

Однако время поджигает. Пора распрощаться с пока ещё Пуленом.

– Слушай внимательно и запоминай на всю оставшуюся жизнь. Твоё имя – Жан Клод Огюстен. Из Шампани. С семнадцати лет ты – профессиональный наёмник. Ты дослужился до... сержанта. Семьи у тебя нет: женат ты никогда не был, родители умерли.

Сейчас ты уснёшь и проспишь ровно час. Проснувшись, ты будешь помнить о себе только то, что я тебе сейчас сказала и скажу. А ещё, проснувшись, ты полностью забудешь всё, что происходило с тобой за всю предыдущую жизнь, вплоть до момента пробуждения.

Ты не вспомнишь ничего этого три дня.

Через час, когда ты проснёшься, ты выйдешь из этой комнаты, сядешь на коня, на котором ты сюда приехал, и поедешь к проливу Ла-Манш. По дороге побреешься в первой же цирюльне. А в первом же городе купишь себе другую одежду, более подходящую наёмнику, и поменяешь свой меч на другой. Ночевать будешь в трактирах, ехать будешь днём – всего три дня. Затем ты вспомнишь свою молодость до того момента, как тебе исполнилось шестнадцать лет.

Ты будешь помнить, что пошёл в наёмники из-за неудачной любви. Ты будешь помнить, что твоё теперешнее имя – прикрытие! И спасает тебя от грехов прошлых лет, но что это за грехи, ты не вспомнишь. Когда через три дня ты вспомнишь о своих молодых годах, ты поймёшь, что для тебя лучше всего продолжать карьеру наёмника.

Ты кратчайшим путём поедешь во Фландрию и наймёшься в их армию, или любую другую... Кроме Французской. Где ты служил, что делал за прошедшие годы – придумаешь сам, чтобы выглядеть заслуженным ветераном. Твоей основной задачей на ближайшие пять лет является заработать побольше денег, и обзавестись затем хозяйством где-нибудь в той же Фландрии, найдя себе вдову или другую приглянувшуюся женщину. Во Францию ты не вернёшься больше никогда, опасаясь за прошлые грехи – но в чём они состоят, ты не вспомнишь.

Теперь главное: то, что я тебе сейчас сказала, будет у тебя так глубоко в мозгу, что ты будешь считать это своими мыслями и желаниями. – она сделала особый нажим на этой фразе, перевела дух, и продолжила, – Вот тебе деньги. Расходи экономно – это всё, что у тебя осталось от предыдущей работы. – она, покачав головой, вложила три, поколебавшись, добавила ещё две золотые монеты в его раскрытую ладонь, – Сожми кулак, – он так и сделал, – Когда ты через час проснёшься, к тебе вернуться все твои воинские навыки и привычки, ты будешь самим собой. Но с твоей памятью всё будет так, как я сейчас сказала. Пока, на ближайшие три дня ты – Жан Клод Огюстен....

И я *надеюсь*, ты и дальше захочешь использовать это имя...

Сейчас ты встанешь, закрёшь дверь за мной на щеколду, снова ляжешь и заснёшь ровно на час. Проснувшись, быстро уедешь. За комнату ты уже заплатил. Конь – в конюшне. Действуй.

Он встал, двигаясь ещё как сомнамбула. Она отворила щеколду, вышла. Убедилась, что он защёлкнул запор за ней. Тяжело вздохнула и утёрла пот со лба.

Конечно, она не была уверена, что всё сработает как надо, но надеялась, что ничего не упустила. Трудно вот так, сходу, запрограммировать судьбу человека до конца его жизни!..

Но лучше это, чем бросить его на произвол судьбы, и в руки так называемого Французского правосудия. С последним она уже довольно тесно соприкоснулась.

Нет, брать его с собой в любом случае было нельзя – под гипнозом он слишком странно выглядит. А без гипноза наверняка предал бы их при первом же удобном случае. Так что пусть живёт плохо – но на свободе. Она старалась изо всех сил.

И всё же определённую долю стыда и беспокойства она испытывала. Это совесть? Наверное. Но ей сейчас не до роскоши – предаваться угрызениям некогда.

Она небрежной походкой подошла к хозяину, и когда тот с готовностью подался к ней всем телом из-за своей стойки, сказала:

– Наш друг Жан Клод немного устал. Он думал, что останется ночевать, но дела не ждут. Если через час-полтора он не проснётся сам, разбудите его, и пусть едет дальше.

Коня его пока поставьте в конюшню – это вон тот, гнедой с белой бабкой... А мы едем прямо сейчас. Еда у вас превосходная, благодарю.

– Всё понял, мессир, всё сделаем! – хозяин угодливо улыбался и кивал, – Для хороших клиентов мы сделаем всё в лучшем виде! Заезжайте почаще!

– Отлично. Непременно заедем на обратном пути.

Она кивнула ему, приглашая следовать за собой, и они вместе – она чуть впереди – подошли к столу, за которым, мило беседуя, допивали вино и доедали мясо, Мария и Пьер.

Беседа, впрочем, носила несколько односторонний характер – роль Пьера в ней сводилась к согласному киванию, или несогласному качанию головой.

– Филипп, рассчитайся, и поехали, – произнесла она всё тем же хрипловатым низким голосом, к которому уже успела привыкнуть, изображая молодого мужчину.

Монахи, вызвавшие было её опасения, уже ушли. Торговцы-коммерсанты, расслабившись, обсуждали уже женщин лёгкого поведения в разных городах и странах. Завсегдатаи из местных всё ещё не сдвинулись с войны с Фландрией, и ужасной жары.

Их отъезд никого не заинтересовал.

Пьер и Катарина помогли Марии влезть на лошадь. Вернее, помог Пьер, Катарина поддерживала няню больше морально. Только теперь она по-настоящему оценила тот подвиг, который совершают местные женщины, путешествуя в так называемом «дамском» седле. Мария располагалась боком к движению, ноги приходилось держать на деревянной подставочке, а залезть или спуститься без посторонней помощи было вообще невозможно.

Хорошо, что она сама сейчас не столкнулась хоть с этой проблемой. Может, имеет смысл и Марию побыстрее переделать в мужчину? Правда, пока у них нет нужной одежды... Впрочем, взглянув на няню ещё раз, она покачала головой – на ближайшие несколько дней от этой мысли лучше отказаться. Такой риск придётся оставить на совсем уж крайний случай – шила в мешке не утаишь.

Хотя на будущее, конечно, было бы неплохо для маскировки путешествовать то как мужчина и двое женщин, то как женщина и двое мужчин. И совсем уже отлично – как трое мужчин.

Значит, придётся купить ещё одно дамское и одно мужское седло – благо, по конструкции оно от вьючного мало чем отличается.

С улыбкой она подумала, что самый беспроегрышный вариант – три женщины – к сожалению, малореален. Ведь женщины в-одиночку не путешествуют... Да и Пьер ни за что не согласится. И будет прав. Если женщина ещё как-то может поддаться под мужчину, то обратный трюк раскусит первая же встречная женщина: актёры из мужчин никакие!

16

К вечеру, когда уже совсем стемнело, они остановились в небольшой деревушке, примерно в пяти лье от Компьена. Двигались они быстро, больше нигде не останавливались, и хотя немного попетляли по просёлочным дорогам, всё же отмахали изрядный кусок – гораздо длиннее, чем проехали до трактира, в котором оставили Пулена-Жан Клода.

Правда, по большому тракту проехали бы по прямой ещё больше, но в данном случае Катарине было наплевать на расстояние и усталость – всё должно было быть принесено в жертву скрытности и анонимности. Выбраться из страны сейчас – главное.

Местный трактир оказался, само-собой, поменьше, но зато и как-то поуютней.

Возле стойки и за столами сидели всё сплошь местные – крестьяне и мастеровые, они пили и разговаривали. Она не могла не оценить прелесть отсутствия табака: ни характерной вони, ни сизой дымки, обычно скрывавшей дальние углы больших помещений, как бывало в

её эпоху в подобных заведениях. Но света посаженные по оболам колес на потолке масляные плашки, действительно, давали чертовски мало...

За едой – пища оказалась попроще, и ждать пришлось дольше – они почти не разговаривали. Во-первых, в целях конспирации, а во-вторых, сказывались усталость, накопившаяся за целый день, проведённый в седле, и нервное напряжение. А у Катарина так и вообще глаза закрывались сами, несмотря на все её усилия: хоть спички вставляй... Правда, их ещё не изобрели. Но так как они проехали сегодня довольно много – не менее девяти-десяти лье – спать отправились с достаточно спокойной совестью.

Разместились в двух смежных комнатах: в большой – Катарина с Марией, в проходной – Пьер. Убедившись, что дверь заперта, и подперта лавкой, Катарина, особенно не церемонясь, сняла с помощью няни всю одежду, кроме рубахи, и забралась в свою кровать – громоздкое сооружение со свалявшимся матрасом, который Мария застелила купленными по дороге простыней и одеялом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.